

Тверское региональное отделение Союза писателей России
Тверской государственный университет
Кафедра филологических основ
издательского дела и литературного творчества
Студия литературного мастерства «ВЕРБАЛИС»

ЛИТОСФЕРА

Литературный альманах
Выпуск 4

Тверь 2014

УДК 821.161(082)
ББК Ш6(2=411.2):я43
Л64

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук старший преподаватель
П.С. Громова (составитель),
доктор филологических наук профессор С.Ю. Николаева
(отв. редактор),
доктор филологических наук профессор В.А. Редькин
(литературный консультант),
студент К.С. Глазов (член редколлегии)

Л64 ЛИТОСФЕРА: Литературный альманах. Вып. 4 / С.Ю. Николаева (отв. редактор), К.С. Глазов, П.С. Громова, В.А. Редькин. – Тверь: Ванчакова линия, 2014. – 130 с.

ISBN

В сборнике впервые публикуются работы начинающих авторов – поэтов, прозаиков, литературных критиков. Среди участников сборника – члены студии литературного мастерства «Вербалис», победители ежегодного конкурса «Человек и книга», слушатели «Школы литературного творчества, издательского дела и редактирования», студенты ТвГУ, обучающиеся по специальностям «Литературное творчество», «Издательское дело», «Журналистика», «Филология», студенты Тверского технологического колледжа.

Книга адресована всем, кто интересуется современной литературой.

Альманах издан при финансовой поддержке Администрации Тверской области.

УДК 821.161(082)
ББК Ш6(2=411.2):я43

© Тверское отделение Союза писателей России, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Редколлегия, составление, оформление, 2014
© Издательство «Ванчакова линия», 2014

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

*Андреева Ольга
Веретенников Александр
Глазов Кирилл
Громова Полина
Туревич Алексей
Турский Роман
Дмитриева Ксения
Дорогов Вячеслав
Зорин Владимир
Ильиных Анастасия
Карпицкая Валентина
Киселев Евгений
Кочнова Ольга
Курносова Марина
Мальцева Наталья
Минина Мария
Моисеев Юрий
Моложина Алина
Панина Виктория
Сергеева Марина
Шубельд Ангелина
Усицков Станислав*

ПРИБА ПЕРА

*Агапова Ангелина
Деревцова Анастасия
Ефимова Мария
Зайцева Елизавета
Латина Ульяна
Лепешенков Василий
Полищук Юлия
Репина Мирослава
Успенский Никита*

НАШИ МОЛОДЫЕ КРИТИКИ

*Александрова Валерия. «И смех, и слёзы!» Рецензия на книгу П.И. Крыловой «Свет доброты сквозь горечь лет»
Веретенников Александр. Рецензия на книгу М. Идова «Кофемолка»
Громова Полина. Незабываемое наследие. О книге В.В. Годовицына «Рассказы о тверских святых»
Громова Татьяна. Вехи творческого пути В.И. Крюкова
Федулов Сергей. Творчество В.Я. Шишкова в современном литературоведении*

*ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЛЕРЕЯ*

Ольга АНДРЕЕВА

Студентка специальности «Литературное творчество»

ИЗБРАННЫЕ ТРЕХСТИШЬЯ

Как в коконе, внутри меня движение:
Воспоминания, надежды и мечты.
Увижу ли я бабочки полет?..

* * *

И журавли тоскливо все кружили
Над серым стылым полем. И сквозь дождь
Надрывно разносилось их «Прощай»...

* * *

Пространство. Нить. Рука.
Иллюзия полета.
Как рвется в небо змей...

* * *

Душа – как мотылек:
Из темноты на свет
Вспорхнула, полетела...

* * *

Талант владеет телом музыканта –
В изломанной пластичности движений
Читается Божественная воля.

* * *

Как будто бы небесный самурай
Рассек катаной оболочку неба,
И в ровной прорези пылает жарко солнце.

* * *

Сквозь белый лист заснеженного поля
Шагают, друг от друга отдаляясь,
Два равноодиноких человека.

* * *

Весь день написан в технике сфумато –
Белёсость воздуха с вкраплениями снега
И дымчатость размытых горизонтов...

* * *

И день за днем сменяются закаты,
Рассветы, оттепели, вьюги и дожди.
Все жду чего-то... Тайно, безнадежно...

* * *

На пустыре среди пожухлых трав,
Качая шевелюрою кудрявой,
Желтеет одуванчик. Дни короче...

* * *

Под стылým небом ноября
Бродить по Невскому и слышать
Далекий голос Мирозданья.

* * *

Покадрово, как в старом кинофильме,
Осенний день уходит в Никуда.
Желание остановить мгновенье...

* * *

Бегом, как в детстве, под дождем!
И безмятежности раскаты,
И острый аромат черемух...

* * *

Пройдет немного времен, и вновь
Дней солнечных закружит карусель.
И пухом зелени покроются деревья...

* * *

Как хочется, чтобы начало дня
Сулило только добрые мотивы
Движений внутренних и чуточку удачи...

* * *

На город утренне-морозный
Пролилась кринка небосвода
С топленой пенкой облаков.

Ты мне протягиваешь руку,
И сквозь нее я ощущаю
Души твоей прикосновенье...

* * *

Ни дни не повторяются, ни ночи.
Но все же ощущение такое,
Что жизнь бежит по замкнутому кругу...

* * *

Жизнь – как витраж:
Уложенные в спектр дни и ночи
Неповторимую картину создают...

Александр ВЕРЕТЕННИКОВ

Студент специальности «Литературное творчество»
Член студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Мой детский сад разбомбленного детства!
Стучат об память детские года.
Я напишу стишок вам, былъ иль сказку эту,
В которой жили-были мы тогда.

Нас учили с малолетства,
Что страна – ну, вроде детской:
Все дружны между собою,
Кто толпою,
Кто гурьбою,
Кто здесь просто развивался,
Ну, а кто и впрямь старался.
Вот игрушка – кукла наша,
Наша общая Наташа.
На всю группу кукла та,
По рукам ходить должна.
Все горшки стояли вместе:
Сашин, Дашин – все на месте.
Сей единственный предмет
Мы любили с малых лет.
Мы свою страну любили,
И за то, что сыты были.
И не сказали нам здесь то,
Что мы слабое звено.
«Строим детский комитет
С управленцем малых лет!
Будем вместе заседать
За столами с кашей,
На горшках нужду справлять
По велению старших.
Будем, будем молодцами
В жизни нашей детской!» –
Хором крикнули ребята,
Завизжав все вместе.
Хочется под этот стих

сочинить куплет,
Но прошло вот двадцать лет,
И детсада нет...
Поменялась власть в стране,
Карты масть сменили
На бубновые тузы –
Их к курткам прилепили
Все богатства те, что были,
Скупом из детсада смыли.
За границу все поплыли...
Нет игрушек, нет ребят,
Нет и той Наташи.
Правда, где-то говорят,
Что Наташа в манной каше...
Цепь же ту, что были связны,
Разорвали дружно все,
И теперь куски металла
Собираем по стране.

* * *

Хочу туда, где рода
Возводят башен небоскрёбы
И где моя пята следа
Не затеряется в неоне
Вывесок. Отсюда – плач.
Мечтами тешусь, что когда-то
Смогу перенестись я вскачь
В ночную пустоту вокзала.
Вдыхая свежий воздух ночи,
Без чемоданов, налегке,
Шагать вперёд на мостовую
И думать, что недалеко
Гостеприимный дом тоскует
И плачет только обо мне,
Что я сейчас всем очень нужен...
Возможно, позовут на ужин
Под вечер трудового дня.
Сведут на нет мои проблемы.
Там, где накала яркий свет,
Поспешно заведутся темы

Для жара пылкого бесед,
Что окружают своим уютом,
Привольем долготы часов...
Не торопясь, проснусь я утром.
Сейчас же – спать. От голосов
В другую комнату уйду,
Запрусь, разденусь и усну.
В том сне приснятся близких тени,
Что были в жизни так милы,
И как тогда, увижу дом,
Двор детства и страницы сказки,
Куском, огрызком памятных моментов...
Не поминаю всех напрасно!
Я получил своё давно,
Теперь довольствуюсь лишь малым.
И тем, на что успел скопить
В своих трудах и днях нахрапом.
Усну! Забудусь! Сегодня, завтра...
Но не забуду вспомнить тех,
Благодаря кому я в дамках
И сыр как в масле на столе.

Кирилл ГЛАЗОВ

Студент направления «Издательское дело»
Член студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Мягкий шаг в тумане сонном
В лепестках утонет солнца.
Белый дым кофейных зёрен
В млечной чашке не сотрется.

Погрузившись в ароматы
В краски дымчатого утра,
Твои пальцы обнимают
Бело-пепельную куклу.

Мягкий шаг опять утонет
В лепестках янтарных утра.
Мои руки обнимают
И тебя, и эту куклу...

Лишних слов уже не надо,
По глазам прочтёшь ответы.
Лёгкий вздох, твоя помада...
Нам открыты все секреты.

* * *

Возьми меня за руку,
Прижмись, обрети меня.
Рассветом души своей
Закрой меня от дождя.

С тобой я не падаю,
И крылья по ветру. Вверх.
Я был ослеплён во тьме,
Но это последний грех.

И первым сплетеньем душ –
На крышу, где только мы
Найдём среди серых луж
Наш первый рассвет весны.

ГДЕ ТЫ?

Ненавижу закаты, проклиная рассветы,
Что отбросят меня вдаль от прошлого...
Где ты?
Я не в силах понять бытия все секреты,
Но не сдамся ему, я найду тебя,
Где ты?
На дорогах ночных я ищу те ответы,
Что вернут мне твой взгляд. Лишь шепни во сне,
Где ты?

* * *

Рисуйте пеплом душ истлевших
На небе ад.
Я в этом мире потерпевших –
Лучом сквозь смрад...

И мои крылья не сломают
Дождя тоска.
Для вас я зверь, все это знают...
И жмут в тисках.

Полина ГРОМОВА

Преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества. Руководитель студии литературного мастерства «Вербалис». Автор трех книг

КАТЮШИНЫ ЗАБАВЫ

Катюша стояла на самом краю. Сердце билось часто-часто, воздух приятно охлаждал влажные ладони. И бояться, вроде бы, было уже нечего – ведь решилась уже прыгать! – а все равно дыхание от страха перехватывало и голова шла кругом.

Высота завораживала. Шаг в нее – да что там шаг, даже взгляд! – вызывал во всем теле непонятное ноющее ощущение. Сложно было разобрать, приятное оно или все-таки нет. Но смотреть – продолжать смотреть туда – все-таки хотелось. Хотелось смотреть, не отрываясь...

Засмотревшись, Катюша покачнулась и едва не упала. И тут же она поняла: пора, дальше медлить нельзя – ощущение высоты ста-

нет привычным и уже не будет так очаровывать. Осознав это, Катюша резко вздохнула, развела руки в стороны и прыгнула...

Это мгновение было лучшим. Когда ты в воздухе, и долю секунды кажется, что ты сможешь в нем удержаться, и, веря в это чудо, ты вдруг с ослепительной ясностью понимаешь, что упадешь... И, главное, это ощущение необратимости поступка. Все, нельзя шагнуть назад, нельзя передумать – и не прыгнуть... Вот ради этого ощущения Катюша и делала это. Снова и снова. Опять и опять...

- Опять! – воскликнула из соседней комнаты бабушка. По полу зашаркали ее тапки. – Да что ж это такое! Когда ж это кончиться-то!..

Катюша, потупив взгляд, смиренно ждала появления бабушки. Табурет, с которого она прыгала, валялся рядом. Да, соврать, что что-то просто упало, уже не получится.

ПРОБЫ

Чудовище выпрямилось во весь рост, вскинуло лапы со страшными кривыми когтями и издало – вытолкнуло из себя томившийся, казалось, не только в грудной клетке, но и во всем его чудовищном теле долгий, раскатистый рык. Потом оно опустило лапы и спросило стоящего рядом режиссера:

- Ну, как?

Режиссер покачал головой.

- Почему? – расстроено воскликнуло чудовище.

- Не впечатляет.

Чудовище обиделось.

- Ну, знаете ли...

- Знаю! – перебил режиссер. – Но, простите, мне не нужна драматизация момента. И актерская игра не нужна. Мне нужно просто чудовище. А Вы переигрываете!

- Но я и есть чудовище! Я веду себя, как обычно. Я не могу переигрывать!

- Еще как можете! – воскликнул режиссер и вдруг задумался: - Как бы Вам объяснить... Ну, вот взгляните! Наш фильм называется «Кровь и кишки». Вон кровь в бочке, а это, в пакетиках рядом, кишки.

Чудовище посмотрело в указанном направлении и сглотнуло... не без труда подавив рвотный рефлекс.

- Они просто лежат в пакетиках, - продолжал режиссер. – Они не переигрывают, и это то, что надо.

- А как они могут переигрывать? – удивилось чудовище. – Они же кишки.

- Вот именно! – воскликнул режиссер и принялся ходить из стороны в сторону. – Вот именно! Двигайтесь, как чудовище! Думайте, как чудовище! Станьте чудовищем!

- Я и есть чудовище.

Режиссер остановился и пристально оглядел собеседника.

- Допустим, - сказал он. – Но у чудовища шерсть должна быть бурая, слипшаяся от крови. А у Вас – голубая и лоснится!

- Я в специальный салон ходил, - с гордостью ответило чудовище. – Хотел подойти к роли творчески.

- Вот не надо мне творческих подходов! – режиссер снова заходил туда-сюда. – Не надо мне голубой шерсти! Мне нужна обычная, грязная буря шерсть! Мне нужна шерсть, слипшаяся от крови! Мне нужна кровь!

- И кишки...

- И кишки!

- Так вон они лежат.

Режиссер остановился, тяжело перевел дыхание.

- Мне неудобно Вам отказывать, но я не могу взять Вас на эту роль.

- Но я же единственное чудовище на студии! – выдало чудовище последний аргумент.

Режиссер лишь устало отмахнулся.

- Вон того парня в костюме оденем.

- Но он же подсобный рабочий!

- Сойдет.

Чудовище совсем расстроилось. Глядя в пол между своими лапами, оно с последней надеждой спросило:

- А если я шерсть перекрашу и испачкаю?

Режиссер покачал головой.

- Можно, конечно, попробовать, но я не думаю, что оно того стоит... Слушайте! Вы, знаете, что! Идите-ка Вы в соседний павильон! – оживился он вдруг.

Чудовище насторожилось.

- А что там?

Режиссер приблизился к чудовищу и погладил его по голубой шелковистой шерсти на груди.

- А там, дорогой Вы мой, снимается мелодраматический сериал. Я думаю, Вы будете прекрасно смотреться в кадре в роли, скажем, ковра в спальне! Так что идите, идите, друг мой, Вы очень талантливы, Вас обязательно ждет успех.

Чудовище грузно вздохнуло и поплелось в соседний павильон открывать новые творческие горизонты. Режиссер проводил его всеми своими шестью глазами и с облегчением смахнул пот со лба шупальцем. Теперь его мечта точно сбудется: он наконец-то снимется в собственном фильме!

МОНСТР

- Здравствуй! Я Принцесса, - сказала Принцесса и улыбнулась.

- Здравствуй. Я Монстр, - ответил Монстр и тоже улыбнулся.

Улыбки получились непохожие.

- А что ты здесь делаешь? – спросила Принцесса, поскольку была хозяйкой дворца и никакого монстра в гости не приглашала и не ждала, это точно.

- А я пришел за тобой, - честно ответил Монстр. – Он высоко поднял лапы, растопырил пальцы, на которых были ужасные, давно не стриженные когти, и зарычал, после чего стало понятно, что зубы Монстр не чистил тоже очень давно.

- А зачем я тебе? – спросила Принцесса. Она совсем не испугалась, потому что не знала, что огромных рычащих монстров надо бояться.

- Я тебя украду и унесу в свое логово, - сказал Монстр, опуская лапы.

На этот раз Принцесса долго думала, прежде чем спросить что-либо еще. На самом деле она вспоминала, зачем сказочные монстры обычно воруют сказочных принцесс. Монстр тем временем покорно ждал, почесывая левой задней лапой лодыжку правой. Наконец Принцесса спросила:

- Ты меня съешь?

- Нет, конечно! – воскликнул Монстр. – Я запрю тебя в самой дальней и темной пещере моего логова, рыцари и принцы будут пытаться тебя освободить, а я их буду побеждать и есть.

- А когда рыцари кончатся?

- Ну, тогда я съем уже тебя, - уверенно заявил Монстр. Видимо, это была уже не первая Принцесса в его монстровской жизни.

- Понятно...

Принцесса глубоко вздохнула. Она обвела взглядом свою милую комнатку, где каждая вещица знала свое место, было дорога и любима, посмотрела на высокую мягкую кровать под розовым балдахинном, в которой так любила нежиться, заметила на прикроватном столике в изящной хрустальной вазочке уже подтаявшее ванильное мороженное с вишенкой и серебряной ложечкой – Принцесса как раз приказала его подать перед визитом Монстра... В шкафу Принцессы, который стоял неподалеку от кровати, было полно замечательных платьев, пушистый ковер в ее комнате был устлан самыми лучшими во всем королевстве игрушками, а если они надоедали, то можно было одним хлопком в ладоши позвать музыкантов, танцоров и певцов. Из сада, где располагалось множество качелей, каруселей и прочих детских радостей – даже небольшой аквапарк был – доносился радостный смех ее придворных друзей. Менять все это на мрачную сырую пещеру, где придется сидеть в ожидании принца или рыцаря, который, может, и не придет вовсе, а если и придет, то, может, и не станет драться с Монстром, а если и станет, то, может, и не победит его совсем – кто же на такое согласиться-то?

Принцесса заложила руки за спину, поковыряла носиком атласной туфельки цветочки на ковре.

- А знаешь, Монстр, Я плохая принцесса, никто не придет спасать меня, - заявила она вдруг. Монстр удивился.

- Плохая принцесса? А разве такие в сказках бывают?

- Не знаю, как в сказках, а на самом деле бывают! – завершила его Принцесса. – Вот я, например. Я капризная, избалованная и вздорная девчонка, так все мои няньки считают. Я ем только сладости, сплю когда хочу и сколько хочу, весь день играю и никогда не убираю за собой игрушки. А еще... - Принцесса набрала воздуха в грудь побольше и стала с вдохновением рассказывать о том, какая она скверная. – А еще... - повторяла она. Монстр слушал.

- Поэтому никто меня спасать не придет, а ты умрешь от голода. Так что можешь идти искать другую принцессу, - завершила свою тираду она.

Монстр понимающе покивал, тоже глубоко вздохнул. А потом как-то странно потянулся, вылез из своей собственной шкуры – и накинул ее на Принцессу! Шкура скрыла под собой Принцессу целиком и мгновенно приросла к ней.

- Ой-ой-ой! – закричала Принцесса. – Что ты наделал, Монстр!

- Ты рассказала о себе столько всего гадкого, что я решил, что ты больший монстр, чем я, - как ни в чем не бывало ответил Монстр, который, конечно, никаким монстром уже не был.

- Но я же тебе наврала, чтобы ты не похищал меня! – Принцесса всхлипывала где-то в глубине шкуры Монстра, безуспешно пытаясь оторвать ее от себя. Голос ее звучал гулко и жутко. – Я же наврала все!

- А я тебе поверил, - развел руками Монстр.

- Но я не монстр! Я не хочу быть монстром!

- А вот сейчас я тебе не верю.

- И что же мне теперь делать? - бывшая Принцесса села на ковер и горько заплакала.

- Ну... Это уже другая сказка - ответил бывший Монстр.

Алексей ГУРЕВИЧ

Студент специальности «Литературное творчество»

* * *

Потанцуй со мной на скользком полу
в окружении какаовых сумерек,
вместе с памятью безупречной,
отнимающей всякую силу и веру.
Вместе с грядущим непутевым,
фантазмагорическим, безутешным –
потанцуешь?
Ты, ангел о веснушчатых крыльях,
беспокойный излишне,
услышь шипение кошек, сбитых на дороге,
шипение мочи медбрата на углу поликлиники,
узри тучи над «Эльдорадо» –
чернь и язвы на эпидермисе небес –
затоскуй по октябрьскому закату,
разлившемуся когда-то у самых верхушек берез.
Он розовый и надежный,
как дети, что бегают по двору и выкрикивают:
«Палочки-за-себя!» –
ударяя рукой о дерево.
Тогда ты почувствуешь, что все повторяется
и что рука, протянутая сквозь тьму,

святящаяся романтической бледностью,
уже была протянута когда-то «до».
Но не ступал ты, ангел, на дорогу,
о которой знания нет.
Прости все дни, цвета окрашенных волос,
огни ночей и изношенную одежду за то,
что были так близки, но так недолговечны.
Я приглашаю в этот совершенный миг
сквозь мрак, и ад, и снег, и потоки падающих ресниц
тебя в свой танец,
непредсказуемо небесный,
слезоподобно чистый,
и прошу лишь об одном –
верь.
Верь мне.

* * *

Все вымерло во мне,
но как будто ярче стали сны.
Особенно, в которых мальчик лет шести
на ветках мощного и рослого каштана
среди широких лапок-листьев
укрылся от всего:
от света, от земли, от мира... И от меня.
Чем ближе к дереву я,
тем мальчик лезет выше.
- Эй, зачем ты прячешься? Чего боишься?
Но он молчит,
лишь между листьев его глаз
все смотрит на меня,
и вниз летят
колючие каштановые бомбы.
Все вымерло во мне,
но помню, о да, я помню –
мы палками сбивали их,
а они сыпались на землю градом,
в эпоху ободранных коленок
и сладкозвучных песен ветра
мы набивали ими полные карманы,
затем стирали иглы об асфальт,
каштаны как будто покрывались бархатом

и скакали лихо, если ими с силой
ударить о землю.
Но скорлупа раскалывалась,
открывая беззащитное, свежее,
слегка скользкое семя.
И помню я –
сжимаешь его в ладошке
и будто вместе с ним планету всю.
Она твоя.
И кажется так будет вечно.
Поэтому я так отчаянно пытался их беречь,
уносил домой,
где они неизбежно засыхали, трескались
и терялись где-то в пыли шкафов,
там, где пропадает все, когда взрослеешь.
Теперь все вымерло во мне и вижу я,
как мальчик сел на ветку, что пониже,
болтает весело ногами и смеется.
Смеется надо мной.
И вдруг узнал его я, но погасла
картинка яркая,
и в темноте квартиры я проснулся.
Все безжизненно во мне,
все вылито во вне,
осталось в глупой проруби
погасших снов и искр
от свалившихся светил.

Я вдыхаю полной грудью осенний воздух,
запах горячей листвы,
и прошлое смешивается с настоящим,
замирая в сладковатой вечерней дымке.
В голых ветвях каштана повисла пустота,
но присутствие того мальчика лет шести
чувствуется так же явно, как и во сне.
Он ждет.
Ждет, когда ему можно будет наконец-то
спуститься вниз.
Я достаю из кармана что-то чертовски маленькое,
что-то чертовски старое,

дорогое.
Это мое каштановое сердце,
моя планета,
мой верный ключ к тому, что было.
Я сжимаю его в ладони так же крепко,
как обнимают человека в последний раз,
и я чувствую его пульсацию,
и я слышу смех мальчишки,
он все ближе, он спускается,
он прыгает на землю и бежит домой...
Ветер единым порывом поднимает с земли листву,
кружит ее по двору.
И я, по колено утопая в ней, бросаю каштановое сердце
в этот оранжево-желто-красный прилив,
где оно бесследно исчезает.
Ветер успокаивается. Двор пуст.
Вечер плавно перетекает в ночь,
то тут, то там в домах зажигая окна,
а я все стою и смотрю на голые ветки каштана,
одинокое дрожащие в темноте.

* * *

Отрадно находить почти безнадежность
в липких басовых нотах голоса
и отрезках мутного дня,
потом сливаться со всем тем,
что вяло подавляло годами,
и стаскивать с себя одеяло стыда.
Беглое синее пламя прививает, смешивает с кровью
ключи к пониманию
или заблуждению.
Беглое синее пламя не сжигает, но пропитывает
высокомерием и тщеславием.
Ты же не божественное, верно?
Так чье же ты проявление?
Холодное и цепкое,
оно подрагивает в ветерках томных вздохов
и молчит.
В наугад открытой книге воспрянет вдруг
то детское чувство удивления и радости,

свежести, к которой все сложнее возвращаться.
Но однажды, открыв книгу, ты не найдешь там ничего,
и сорвется вниз планета –
испещренный миллиардами жалобных лиц шар.
Истина детских рисунков отразится в происходящем:
все линии сломаны.
Краски смазаны.
Смыслы растеряны.
Однажды солнце плюнет тебя на асфальт
неизбежно падающего мира,
и не будет тебя.
Только тень Хиросимы
останется.

Роман ГУРСКИЙ

Выпускник филологического факультета
Член литературного объединения «Иволга»
Автор двух книг стихов

* * *

В кафе на крышу за подачкой
все ялтинские воробьи
летят позавтракать горячей
подсоленной соломкой фри.

Такие выскочки и хваты
в поджарой птичьей голыть-
бе,
что за кусочком желтоватым
–
скок на столешницу к тебе!

Кругом подоблачные горы
в теньях парящих высоки,

а тут малютки-крохоборы
пасутся у твоей руки.

Самцы в манишках черногру-
дых
и тощих самочек гарем,
людского чуждые уюта,
мостятся на двугорбой «М».

И ты, общипывая скоро
свой пухлый гамбургер с кра-
ев,
догадываешься, что горы –
в распоряжение воробьев.

Ксения ДМИТРИЕВА

Студентка специальности «Литературное творчество»
Член студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Можно, я остановлю твой автобус?
Прокричу вдогонку: «Стой!»
Или встану посреди дороги.
Поцелуй на прощанье будет мой.

Я теперь стала сильная.
Перестала жалеть о содеянном.
Хорошо с тобой, любимой мой.
Мой - сладостно называть тебя этим именем.

Скоро приеду к тебе.
Разорву ту пропасть свыше я.
Не буду говорить о разлуке теперь.
Ты заметил, что я стала сильная?

* * *

Можно, я напишу тебе несколько строчек?
В них всего будет тысяча слов.
Там слова будут похожи,
Хотя у любви множество всего.

Я хочу целый день улыбаться,
Чтобы ты взглянул на меня.
Ты же знаешь - я люблю смеяться.
Просто мне не хватает тебя.

* * *

Убери свои руки.
Убери свое сердце.
Перестань божиться
На того, кого любишь.

Не читай письма.
Не ревнуй вовсе.

Ты же видишь, как
сильно
Он любит другую.

Убежать проще.
Догонять сложнее.
Что твоя молодость?

Мудрость его - сильнее.

Убери игрушки.

Будь самой собою.

Так жить проще...

Но, видно, ты - не можешь.

* * *

Давай пофантазируем вместе.
Напишем нашу историю жизни.
В ней будет много смысла.
А страсти, конечно, больше.

Давай пролетим над миром.
Так, чтоб он весь содрогся.
Заявим всем о любовной близости,
Целуясь на нашем Цветном бульваре.

Давай убежим в поле.
Расскажем там сказку о небывалой искренности.
Только не пиши мне про ревность к другим мужчинам.
Потому что ты всегда будешь рядом с женским, не моим, именем.

* * *

Опыт. Над кроликом.
Ведь он такой маленький.
Сон в его сказке
Был вчера явью.

Опыт над кроликом.
Как он размажется
Или вдруг взрослым,
Сильным, окажется.

Опыт! Над кроликом.
Хоть мир его полон.
Лишь посмеяться над ним.
Потом - бросить в омут.

Опыт. Над кроликом!
Будет затянутым.
Он не ответил еще,
Так перейдем к другим.

Что же за кролик такой –
Гордый, приземистый,
И ответ был его странен,
Но все же таким:

«Вы не надейтесь,
Что это вдруг случится,
Что я прибегу и стану другим».

* * *

Душа превращается в чувство.
Уже протянула руку, дотронулась.
Была раньше безжизненна
Теперь - вострепелась.

Утопаешь во вздохе своем
Произносишь: «Я люблю тебя!»
Задыхаешься в слове его.
Это теперь смысл жизни твой.

* * *

Нагулять голод для слов.
Отработать уверенный шаг.
Смыть всю грязь с очков –
Или это люди в инфракрасных лучах.

Застелить постель с утраца.
Отложить высшую цель до какого-то дня.
Натянуть маску бодрости лица
И ступить в ленивые улицы города.

Только считать себя самым умным!
Самым пошлым в своей адюльтерской жизни!
Это значит, быть таким, как все люди, –
До ужаса однообразным и предсказуемым.

* * *

Я прочту поздно вечером
Ту часть сказки брошенной
И пойму, что не вечны мы,
А любовь перестает быть искренней.

Забери лепесток жизни моей.
Перестань быть сердцевиной вечности.
Загляни внутрь ко мне.
Я перестала быть твоей ранеточкой.

Прочерти в воздухе имя свое.
Напиши на бумаге слово одно.

Отойди, далеко, к бесконечности.
Ведь разлука подразумевает одиночество.

* * *

Видите - это слезы счастья.
Нет, не от любви.
Я немного тут поплачу,
Чтоб по канату было проще идти.

Они ведь такие красивые –
Эти тяжелые слезы счастья.
Или боль душевная так прячется
Что выдает себя другой или другим.

Я теперь стала свободная!
Только почему-то не счастливая...

* * *

Эта осень похожа на наше с ним лето.
А встречи похожи всегда на весну.
Я иду в переулке, озираясь на силуэты, –
Понимая, что снова люблю.

Вячеслав ДОРОГОВ

Студент специальности «Литературное творчество»
Член студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Погасли свечи на рассвете.
Проснулся мир. Пришла Весна.
Есть только двое на всем свете,
Чья жизнь бесценна, – ты да я...

ИСКОРКИ ЛЮБВИ

Мне кажется, что искорки любви
В твоей улыбке нежной воплотились.
И губ волшебных дрогнут уголки,
И свет коснется ласковой руки,
Явив собой заботу, Божью милость.

Твои глаза повенчаны с надеждой,
Во взоре чистом солнечный рассвет.
Весь образ соткан силой безмятежной,
Святой, нетленной, радостной, безгрешной,
Помноженной на благосклонность лет.

И пусть не все услышат голос твой,
И струн души минута не коснется,
Но будут крылья хлопать за спиной,
Гореть любовь в сраженьи с липкой тьмой,
Клич бросив свой врагам, если придется.

И нить добра, пронзая хладный шелк,
Представит жизни новое творенье.
Взыграет разум и прибудет толк
Всех помыслов отринутых. И долг
Исполнен будет. Мира искупление.

* * *

Посмотрел лишь украдкой. И в небе
Мыслью светлой мелькнула мечта.
Вспомнил всё: где я был и где не был,
Где покой и где красота.
В очи я заглянул осторожно,
Трепет свой едва лишь уняв.
В них увидеть весь мир возможно,
Птицей тут же прелестною став.

Взгляд задумчив. Взирая неспешно
И порою молчанье храня,
Та Принцесса мила и безгрешна,
И сегодня она моя.

Преклоняя колено, молился,
Счастья той пожелать хотел,
В ком любви весь мир воплотился,
Даровать добро чей удел.

И все ниже и ниже пред нею,

Не могу я поднять головы,
Ведь сегодня в тебя, друг мой, верю,
И готов говорить лишь на Вы.

Не суди меня строго, Принцесса,
Материальных богатств не сыскать.
Только сердцу указано место,
Только чувством могу я предстать...

* * *

Капля времени скатилась по стеклу,
Обнажив души тревожной мысли.
Образ девы предо мною. Не рискну
Потревожить без причины взор пречистый!

Столь изысканна, чудесна та душа!
На коленях вновь смиренно перед нею...
Мудрым словом, добрым жестом хороша!
Растворившись, от восторга тихо млею...

Вновь услышав тихий шепот губ,
Улыбаюсь светлому мгновенью...
Было сложно? Знаю, ведь не глуп.
Ведь скользил подле тебя незримой тенью.

Жизнь твоя оставила свой след,
Строк твоих забвенью не коснулось!
Очи тронуты лишь позолотой лет,
Волшебство любви детьми вернулось!

Ты прекрасна! Полотно мечты
Разрисуешь тонкой кистью Солнца!
И сожжешь ненужные мосты,
Новый мир впустив в свои оконца!

ХУДОЖНИК

Взяв солнечных красок палитру,
Пред мудростью гор преклоняясь,
Художник читал вслух молитву,

Вниманье утратить боясь.

Его полотно было ярким –
Божественных чар лепестки.
Смотрел он едва, лишь украдкой,
И быстро делал мазки.

Вокруг красота умиляла,
И слёзы струились из глаз.
Безмолвно природа играла
С художником в тот добрый час.

И сколь восхищенье огромно,
И сладостна дней тех пора,
Коль знаешь: художник тот скромный –
Навеки супруга твоя.

* * *

Твое очарование подобно аромату –
Пленит, тревожит душу мне, слезой смочив глаза.
Лишь смею восторгаться я. Дозволено ли брату
Смиренно пасть пред девою, творящей чудеса?

Одним лишь мановением ты к жизни возвращаешь,
Улыбкою волшебною привносишь в мир любовь.
Всем помыслам отринутых – жалея! – ты внимаешь,
Даруя счастье вечное, вновь будоража кровь.

Чудесная, прекрасная, изящная, великая,
Порою столь ранимая, всю боль вобрав в себя.
И светлая, и славная ты, дева многоликая,
Чье сердце бьется радостно и чья поет душа.

Позволь же мне приветствовать, вкусить плоды запретные,
Хоть робостью, хоть страхом тем столь долго я томим,
Открыть минуты верные, живые, беззаветные,
Поддавшись чувству этому. Подняться вместе с ним,

Оставив землю грешную. И след мой затеряется
Средь скал угрюмо-каверзных, царапающих небо.

Туда, где твердь нетленная, где старый мир кончается,
Спешу туда, премудрая, туда, где еще не был.

И там я век безмолвия, век жизни человеческой,
Смирясь, с благоговением отдам во власть Творца.
Спасибо, лучезарная! Быть может, по-отечески
Творец рукою ласковой отверзет мне уста.

МОСТ В ТЕРАБИТИЮ

Вы когда-нибудь бывали в Терабитии?
Чей злаченный мост ласкает глаз,
Где волшебных грез найдет открытие
Каждая душа в любимый час?

Вас там встретят сказочные тролли,
И принцесса улыбнется Вам.
Нет прекрасней и чудесней роли –
Крыльями взмахнув, взмыть к облакам!

Там, конечно, вечно помнят Лесли,
Милый образ... И слеза моя
Глупой не покажется ведь, если
Вам открылась дивная страна!

Владимир ЗОРИН

Студент специальности «Литературное творчество»

КЛЕТКА

Поэма

Комната.
Тёмная.
Серые стены.
Тлеет огарок свечной на столе.
Окна залеплены грязью
Сомнений,
Клейкою лентой к осенней поре.
Холодно.

Зябко.
Ладонями к свечке:
Руки не греет дыханье моё.
Страшно:
Мне кажется, мрак этот вечен;
Страшно:
Мне кажется –
Ветер поёт.
Слышу его,
За стеклом тонким слышу.
Словно в горячке,
В безумном бреде.
Он повторяет то громче,
То тише:
«В синее небо,
Всё выше
Иду...
В синее небо дорогою звёздной;
В синее небо Дорогой Ветров;
В синее-синее...
Если не поздно!...»
Тихо,
Не слышу последних я слов.
Бьётся в тиши безучастной
Несчастно...
Громко и часто
Всё бьётся в груди
Сердце. И больно, и грустно
Отчасти...
Не понимая, что ждёт впереди,
Бью!
Разбиваю окно,
И осколки
Падают на пол, фальшиво звеня.
Ветра порывы. И острые кромки
Режут до крови. Прошедшего дня
Вижу последние краски
Заката
В них больше нет.
И багровых лучей

Я не увидел!..
Расплата.
Расплата!
За промедление в жизни моей.
Сумерки
В комнате;
Сумерки
В небе –
В тех, что живу и сейчас остаюсь.
Мне бы успеть...
На мгновение мне бы...
Глупо, размеренно меряют пульс
Снова
Секунды, минуты... столетья.
Время бежит – ключевая вода.
Только напиться из комнаты-клетки...
Только напиться
Дано не всегда.
Кем был в прошедшей, отвергнутой жизни?
Кем не хотел и не мог быть,
Но стал?
В каждом вопросе полно укоризны,
Что начинаю опять я с листа
Чистого,
Белого,
С глупой мечтою
Вновь написать
Между строчек себя;
Снова поверить:
Хоть что-то да стою.
Только поверит ли сказке судьба?
Горько смеюсь, и неожиданное эхо
Мерзко хохочет,
Почти в унисон.
Только от смеха,
Безумного смеха
Вдруг понимаю: всё это –
Не сон!
Вдруг понимаю: каким был я прежде,
Вспомнить уже не могу...

Не хочу!
Рушатся замки, пустые надежды
В тёмную пропасть.
Задули свечу
Ветра
Души
Ледяные порывы!
Тёмный огарок теперь на столе.
Будто ступил вдруг неловко к обрыву,
К самому-самому краю.
Во мгле
Чёрная Бездна зовёт
И покоем
Манит;
Надёжным покоём влечёт,
Просит оставить, не трогать былое,
Просит дожждаться и сделать свой ход.
Только вот ждать я совсем не намерен!..
Шаг –
Во спасение,
Шаг –
Ради лжи!
Но вместо Бездны –
Лишь стены.
Цвет: серый.
Вместо покоя –
Смятенье души.
Страх
Беспощадный,
Смердящий,
До крика;
Страх –
Бесполезных снежинок метель –
Просто исчез. И остался безликим
Я,
Так привыкший к нему.
В темноте
Снова иду.
Заклинаю шагами
Тёмный Предел

И эхо –
Слова.
Гулкие,
Веские...
Всё-таки нами
Пишется новая жизни глава.
Снова иду!
Сквозь безумие ночи.
Вижу медлительный сонный рассвет,
Стены,
Окно
(В этой жизни нет точек)
Вместо свечи...
Лотерейный билет.
Книга. Раскрытая.
В пятнах страницы.
Кровь.
Не смотреть!
Не смотреть!
Не смотреть!..
Жёлтый ковёр.
Все узоры, как лица...
Комната.
Новая.
Новая клеть.

Анастасия ИЛЬИНЫХ

Выпускница тверской гимназии № 44

* * *

Стрекот нежный шестеренок ржавых,
Позабывтый мною механизм,
Лески и пружин курчавых
Ото всех сокрытый атавизм.
Как внутри волшебной табакерки,
Молоточки и чуть слышный звон,
Нескончаемый аврал, примерки
И железа дребезжащий стон.
День и ночь все грезится мне, снится...
Лишь на миг все звуки заглуши –

И в груди вдруг что-то затеплится...
Реставрация моей души.

* * *

Я от собственных мыслей устал.
Мне бы неба глоток и росы,
Через прозрачный водный кристалл
Водопада терять часы.
Мне бы мир обнимать с высоты
Молчаливых всезнающих гор,
Мне бы вихри ловить за хвосты,
Когда ветер плетет заговор.
Мне бы облачный дым вдыхать
И душой с тишиною срастись.
И молчать, и молчать, и молчать,
И хоть как-то от мыслей спастись.

* * *

Ты где-то меж дощатым полом
И серым грязным потолком,
Касаясь плесени подолом,
Рисуешь мысли сквозняком.
Закрой окно, тебя продует.
Затянешь с ветром мертвых спор,
Природа чувственно колдует,
Пока ты гнешь чугун опор.
Нам не позволено стараться
Махать пробитыми руками.
Приказ объявлен. Улыбаться
И рвать голодный свет зубами!
Кричи и помни: где-то рядом,
А может, слишком далеко,
Я тень твою целую взглядом
И растворяюсь глубоко
В котле с кипящей солнца страстью.
Мне мир так хочется обнять!
И сердце разрывает властью
Желание его принять.
Я потерял в созвездьях страхи
И стал волной слепых частиц,

Впитались в грязь моей рубахи
Немые крики вольных птиц.
Ты где-то в трещине сознания
Трепещешь слабым огоньком,
А я все жду. Душа-пиранья
Так тяжела, как в горле ком.

* * *

... как солнце проорало дико:
«И смерть тебе не оправданье!» –
Вспоров мне сердце жгучим бликом
Другим живущим в назиданье.

* * *

Я как камень в пустыне заснеженной,
От сиянья сбежавшая тень,
Как снаряд, тишиной обезвреженный,
Покосившийся старый плетень.
Я как камень в пустыне обугленной,
Как иссохший от зноя росток...
Одинокою веткою срубленной
Брошен я во всеобщий поток.

Каллиграфия

Последний сон интеллигенции
Перед рассветом пустоты,
Всем раздающей индальгенции
С надменным званьем простоты.
Оплоты рыхлой закоснелости,
Всепоглощающей чумы,
Набравшись яда, фраз и смелости,
Внедряются пылью в умы.
Осталось полтора мгновения –
Вновь исторический повтор:
Расцвет, упадок и забвение,
И вновь правдивый разговор
На темы вечные, больные и избитые.
Иные мнения, но суть их неизменная,
И мысли, словно лентой перевитые,
Как будто новые, на самом деле тленные.

Последний сон отмершего сословия,
Последний гимн подбитых лебедей
На фоне тусклом пустословия,
Как каллиграфия былых страстей.

Валентина КАРПИЦКАЯ

Студентка магистратуры по направлению «Издательское дело»

ПУГЛИВАЯ БЕРЕЗА

*Светлой памяти моего дяди Ивана и бабушки
Казаковой Ефимии Никитицны
посвящаю...*

В детстве я не любила ездить в деревню: надо было рано встать, чтобы успеть к первому рейсу, затем час трястись в душном, переполненном автобусе, после чего ещё часа три шлёпать пешком.

Помню, пылишь, пылишь с родителями по дороге, солнце палит немилосердно, а пути конца-краю нет. Перед глазами красоты расстилаются: поодаль – просторные леса, манящие тенистой прохладой, поближе – берёзовые рощи, наполненные соловьиными переливами, вдоль дороги поля ржаные, пронизанные солнцем и ветром. А ты так устанешь от ходьбы, что еле плетёшься и тебе ни до чего. И, самое обидное, не пожалуешься, потому что понимаешь: родителям приходится ещё туже – ведь они идут не налегке, а несут тяжёлые сумки. Вздохнёшь с облегчением, когда увидишь бабушкины берёзки. Ноги так и понесут к знакомому порогу!

– Ой, батюшки мои! Внучечка-любимка приехала! – радостно всплеснёт ладошками бабушка. – Вот хорошо, а то день и ночь сижу одна, как засохлый цветок.

Я дам себя поцеловать, но радости не разделю, зная, что мне предстоит маята: ни парка с каруселями, ни кинотеатра в деревне нет; лишь мелководная речка, на которой днём ни души – весь народ, и дети в том числе, трудятся кто на поле, кто на огороде. Купаться в одиночку мне не позволялось ходить, только в сопровождении родителей, а им некогда было водиться со мной. В хате сидеть и вовсе тоска: ни телевизора, ни радио у бабушки не было. Родители хотели свой старенький чёрно-белый «Нёман» привезти, после того как цветным «Горизонтом» обзавелись, но бабушка наотрез отказалась:

– Боже упаси! Там, в телевизоре вашем, черти.

– Они тебя увидят и разбегутся, – посмеюсь я над бабушкой, которую, признаться, недолюбливала: она мне казалась какой-то допотопной. Даже как звать её мне не нравилось – Ефимья Никитьевна, баба Хима. Скажи кому – засмеют. Ко всему прочему она была тёмной: молилась иконам и не ведала грамоты, зато знала всё про всех святых: где кто жил и какие творил чудеса. Только мне надоело всё время слушать о Божьих угодниках, которые жертвовали своими праведными жизнями в обмен на Божье Царство, и я просила бабушку рассказать о чём-нибудь другом. Она терялась и пожимала плечами:

– Не знаю, что ещё. Всё уже из головы вылетело – изжила я свой век.

Не зная, чем заняться, я как-то попросила отца соорудить мне качели. Он раздобыл верёвку, подобрал подходящую доску для сиденья и только собрался прибить перекладину на двух соседних берёзах, что росли под окнами, как из дома тут же выбежала баба Хима и заойкала:

– Сыночек, Богом молю, не надо, ты ведь знаешь, какая она пугливая!

Отец, к моему удивлению, без слов отказался от затеи. Ласково погладив меня по голове, он смотал верёвку и, сунув доску под мышку, пошёл в сарай. Я чуть не заплакала: «Бабушка меня совсем не любит! Надо ж такое придумать: дерево пугливое!»

Огорчённая, я стукнула ножкой по стволу берёзы – и она охнула, дрожь побежала по белому стволу и разлетелась по трепетным веткам. Зашумела берёзка, залопотала испуганно. Испугалась и я. Бросилась в дом.

Схватила книгу сказок, которую на всякий случай взяла с собой в деревню, устроилась на диване. Однако не читалось: обида всё ещё переполняла меня. Отложив книгу, я покосилась на бабушку, которая уже толклась возле печи: «Как можно так жить? Ни ванны с горячей водой, ни газовой плиты, ни холодильника. Вся мебель – шкаф да кровать». А она, словно мысли услышала, глянула на меня:

– Нонче что... Сундук целый добра... А раньше голы да босы ходили: ни платышка перекинуть, ни пальтишка. И домашности никакой.

– Пряма таки голые? – буркнула я. – Что-то же носили!

– А что носили? – оживилась бабушка. – До самого замужества ботинки мамины носила. А одежду каку? Мама починит что,

залатает – одёжа опять живёт, и носишь её. Не беда, что реденька, лишь бы чистенька.

Она поворошила уголья, поправила чугунок и, усевшись чистить картошку, продолжила:

– Помню, пришли меня сватать, а брат старший, стыд сказать, без штанов: мама как раз их постирала. Пришлось спрятать брата на печке. Ну вот. Расселись гости за столом, мама блины подала. Пышные, с загарчиком, сметаной забеленные – сами такие только на Велик-день ели. Сидят гости, уминают угощение; и мы с мамой нет-нет да и полакомимся возле них. А брату тоже хочется. Терпел, терпел, сколько мог, удозорил, когда мама рядом окажется и забубнил из-за шторины: «Дай блин, а то покажусь!». Что было делать? Пришлось вкрадочку дать...

Мне стало жаль бабушкиного брата:

– Плохо же вы жили...

– Кто сказал, что плохо? – улыбнулась бабушка. – Нет, внученька, до войны жизнь хорошая была! Хрестили детей, работали, Богу молились. Бог давал нам... А потом проклятый германец пришёл и самое дорогое отнял...

Бабушка загрюмилась, вспоминая своё, и я потянулась было за книгой, но вдруг услышала:

– На Тихона, дедушку твоего, похоронка через неделю пришла. Старшой сынок, Ванятка, сразу в леса подался. Четырнадцать ему к тому времени стукнуло. А я с двумя хлопьями осталась. Большенькому – семь, меньшому, папе твоему, пять годков миновало. Только Ваня ушёл, немцы деревню заняли.

– А что он один в лесу делал? – живо заинтересовалась я, забыв про свою обиду.

– Кто, Ваня? Так партизанил! В разведку ходил, связным был. Он росточком маленький, щупленький. Немцы не догадывались, что он партизан. Прибежит, бывалоча, в деревню, выведает всё, и назад, к партизанам.

– А что он выводывал? – снова перебиваю я.

– Ну, где, к примеру, немцы награбленное добро складывали. Они ж всё чисто у нас побрали, позабирали весь скот, погребла опустошили. И ничего им не скажи – стреляют без слов! Вот как издевались над народом!

Бабушка дочистила картошку, прополоскала её в миске с водой и, взяв ухват, полезла в печку за чугуном, в котором уже сварилось мясо.

– А что потом? – нетерпеливо спрашиваю я бабушку, но она не спешит с рассказом, а просит достать из стола нитки с иглой. Я тороплюсь выполнить просьбу, потому что любопытство распирает меня.

Высыпав картошку в чугунок и сунув его обратно в печь, бабушка вытерла руки и, взяв у меня катушку ниток, полезла в шкаф. Достав с полки старые носки, устроилась на лавочке и принялась за штопку.

– Так что было потом? – поторапливаю я бабушку.

– Ох, внуча, лучше то не вспоминать... – махнула она рукой.

– Как-то прибежал Ваня ночью, постучался. Я – к окну: смотрю, самого не видно, только зубы светлеют. Вышла, говорю:

– Уходи! Кто-то немца сегодня застрелил, так они всех допрашивают.

А он улыбается:

– Я только переночую.

Гляжу, темно, месяцко всходит. Думаю, ладно, пусть поспит, а я покараулю. А сосед, полицай, услышал, видать, что Ваня пришёл, и бегом к немцам. Ещё тихо было, как налетели они на дом и цап Ваню моего! Один из немцев что-то загоготал на своём языке и, зло так на Ваню показывает, мол, да, он. Я, глядя, что Ивана моего забирают, запричитала:

– А моя ты деточка! – и немца умоляю:

– Меня застрели, пусть я пропаду, только хлопёнка не надо!

Немец ко мне подлетел и прикладом меня, прикладом... Голову разбил, щеку рассёк, зубы выбил... Полный рот крови.

Ваня – мне:

– Мама, молчи! Забьёт ведь, гад!

Поволокли его из дома. Били, сколько хотели, пытали, всего изрезали – нельзя было нигде пальца положить. А потом людей чуть свет нагнали прикладами в спину, поставили в шеренгу. Всех, всех поставили: старух, и детей, и стариков.

И опять моего Ваню на глазах у всех мучили за то, что он, оказывается, солдата ихнего застрелил. Глаз его лишили, ушей. Плач стоял. А он не плакал, как-то держался. Потом поставили его к берёзе и объявили:

– Если не будете давать знать, когда партизаны приходят, всех порешим, как его сейчас.

Я крикнула только:

– Дитяtko моё золотое! – как раздалась очередь – аж берёза вся затряслась...

Бабушка умолкла. На её лице застыло странное выражение, как будто она сама себе не верила и спрашивала: «А было ли? Могло ли быть?».

Глядя на неё, и мне не по себе стало: горло сдавило, сижу онемевшая.

– Нехай бы он меня убил... – услышала я тихий бабушкин голос, полный живой боли, от которого мне стало зябко. – Так-то вот, внученька. С того дня берёза пугливой и стала. Чуть стук, трясётся вся. Видно, память и у дерева своя есть...

И тут слёзы потекли у меня. Спрыгнула я с дивана, выбежала на улицу и – к берёзе. Прислонилась щекой к стволу – а он тёплый. Обняла я его и вдруг так спокойно стало мне, словно я не дерево обняла, а живого человека.

Евгений КИСЕЛЕВ

Студент направления «Издательское дело»

* * *

Герои славные войны,
Отчизны верные сыны!
Вы выполняли долг святой,
Шли за победу смело в бой!

Вы мир и счастье сберегли,
Поклон вам низкий до Земли.
Живите долго и спокойно –
Всегда мы будем вас достойны!

ХРАМ

Прощай, хранитель русской славы,
Великолепный храм Христа,
Наш великан золотоглавый,
Что над столицею блистал!

По гениальной мысли Тона
Ты был в величии – простой,
И величавая корона
Горела солнцем над Москвой.

С тобой умолкли отголоски
Великого Бородина.
Исчезли мраморные доски
И с ними – славных имена.

Кутузов и Барклай де Толли,
Граф Винтгенштейн, Багратион...
Не мог сломить на бранном поле
Вас даже сам Наполеон!

Давыдов, Фигнер и Сеславин
Тучков, Раевский, Боговут.
Кто вам по храбрости был равен?
Пускай подобных назовут!

* * *

Ушли по-русски, по убитым печальсь,
Взяли песни с собою свои.
А на ветках зеленых часовые остались,
Фронтовые друзья – соловьи!

Соловьиные песни прославляют Победу,
Как тогда, в сорок пятом, стих гул громовой.
Поздравляют с Победой! Вы дошли до Берлина,
Вы вернулись домой!

Радость и нежность в их пенье высоком,
Солнце и синь над родною страной.
Звонкою трелью, быстрым полётом
Праздник несут соловьи нам с тобой.

Ольга КОЧНОВА

Членом Молодежного литературного объединения «Рассветная
звонница». Член Тверского содружества писателей, член Союза
писателей России. Автор двух книг стихов

* * *

Осень вторглась в пределы тепла

семенящей дождливой походкой.
Сквозь прозрачную тонкость стекла
удивишься, что жизнь проплыла
от причала сорвавшейся лодкой.

И под вздохи осенних осин
в вечеряющей пасмурной роще
журавлиный неистовый клин
промелькнет в небесах, словно росчерк

черной тушью на сером холсте.
И опять тишина и свобода.
Одиночество нужно затем,
чтоб понять, что ты любишь кого-то.

* * *

Осень стекает ржавчиной с веток –
Бедной не вынести груза такого.
Словно с другого какого-то света
Отзвуки гула негородского.

«Ты разве тоже нездешнее слышишь?»
Шепот колышет испуганно тени.
Это приходит откуда-то свыше:
Осень – пора опоздавших прощений.

МЕЛОДРАМА

Улыбнусь, заслоняясь букетом.
Сколько зим пролетело уже?
Что ты, господи, - я не об этом!
Я давно не боюсь миражей.

Самый странный, любимый, пропащий,
Мне давно уже все – все равно.
Мы под снегом осенним скользящим
Потихоньку дойдем до кино.

Что сегодня? – опять мелодрама?
Насмотрелась их, кажется, впрок.
Как твоя поживает мама?

Дети как?
...Словно выстрел в висок –

Эта встреча... Ты знаешь – пора мне.
Да и в фильме избитый сюжет.
Я излечена осознанием
Всех твоих и своих побед.

Небо, съежившись, свесится низко...
- Ты звони!.. – прозвучит за спиной.
Ты мог стать самым нужным и близким!
Улыбнись, прошепчу – Бог с тобой...

КАРЕЛИЯ

Ночи белы, закаты алы,
скалы вереском поросли.
Мне и жизни, наверно, мало
позабыть эту часть земли.

Этот край, где громады елей
опрокинуты в озерца.
Край, где мох белоснежно-белый
и лесам не видать конца.

В перекатах речушки горной
слышу северный говорок.
Ты прости мне характер вздорный
и пусти к себе на порог.

Где-то счастье моё сторожко
прописалось в твоих лесах
вкусом спелой, как мёд, морошки,
криком ястреба в небесах.

* * *

Эта девочка так прелестна!
(фотографии тридцать лет)
Детство стало платьищем тесным.
Повзрослела? Кажется, нет.
Что там дальше? Всегда неизвестно...

Поправляя упавшую прядь,
забираюсь с ногами в кресло –
только так я люблю читать.
Что важней может быть этой книжки
и прильнувшей детской щеки?
А за креслом время неслышно
перепутало кубики.
Дочки-матери, сказки, песни...
Вот уже пора засыпать.

Эта девочка так прелестна!
Поцелую упавшую прядь.

* * *

Ты не услышишь, не скажу: взгляни
хоть напоследок ласковее прочих.
Увидишь сам: горят в траве огни –
вот светляки! – причуда белой ночи.

Услышишь сам: далёкая гроза
подкралась к дому, требует расплаты.
Мой голос вплёлся в птичьи голоса,
звонит прохладой в дебрях дикой мяты.

Над колыбелью тихой и святой
к чужому сыну, прямо к изголовью,
сны призывает. Ну, а ты, чужой,
неволю так же путаешь с любовью?

И так же не простил? На судный день
я принесу – что в памяти хранила:
вот эту запылённую сирень,
тетрадный лист – поющие чернила,
гул сосен бронзовых, приветливую тень
и то, что, мне казалось, – я забыла.

* * *

Не запрячешь её между строк –
знобкой осени злую усмешку.
Видишь – в наледи тонкой порог?
Видишь – стай перелётную спешку?

Частой дробью по стёклам звеня,
долгих ливней затянет простуда.
Не смотри так светло на меня –
я давно не способна на чудо.

Я давно не хочу – от земли
улетать в листопадную пору.
Вот и руки на плечи легли,
словно ищут вслепую опору.

Словно первый в груди холодок –
не предвестие будущей стужи.
На корабль похожий листок
то ль по небу плывет, то ль по луже.

* * *

И все как год тому назад.
Все те же взгляды, те же руки.
Как будто не было разлуки.
И ты как будто даже рад.
И мне как будто все равно
(Часы любви остановились
Не так давно). Мне все равно,
Что мы с тобой друг другу снились
Не так давно.
И вновь молчанье невпопад,
Слова, заученные строго,
Искрится инеем дорога,
Снега вокруг глаза слепят,
Как будто не было разлуки.
Но нет, увы, пути назад.
Но как же взгляды?!..
Губы?!.. Руки?!..
Как будто год тому назад.
...Снега, снега глаза слепят.

Марина КУРНОСОВА

Студентка специальности «Литературное творчество»

* * *

*Я не люблю фатального исхода...
В. Высоцкий. «Я не люблю»*

Он не любил фатального исхода,
Я не люблю, когда исход хорош.
Он не любил любое время года,
Я не люблю, когда поспеет рожь.
Он не любил прервавшейся беседы,
Я не люблю таких бесед вообще.
Он на вопросы находил ответы
Не где-то в книгах, а в своей душе.

А я ищу всё то же в этой жизни,
Моя душа не так еще мудра.
Он не любил открытого цинизма,
Я не люблю притворного добра.
Он не любил себя, когда боится,
Сам не люблю, когда испуган я.
Я не люблю того, кто век гордится,
Он не любил бессилья и вранья.

* * *

Писать о жизни – проще простого,
Но ты попробуй-ка в ней разберись:
То кинет наземь жестоко, сурово,
То скажет твердо тебе: «Поднимись!»
То снова кинет, придавит коленом,
Вопьется в шею, не дав продохнуть.
Получит власть над умом и над телом –
Что будет сложно, позднее, вернуть.
Тут нужно действовать быстро, по плану:
Один рывок – и та на земле.
Толкнуть ее к своему же капкану,
Чтобы потом не попасться тебе.

* * *

Шаг. Снова шаг. Еще и еще.
Мне идти нелегко, но приспособился.
Знаю, где холодно, где горячо.
Вокруг говорят: «Хорошо устроился».

Вздых. Снова вздох. Стучит и стучит.
Я жив, но когда же это закончится?
Никто не поймет, что немой прокричит,
Никто не поймет, что слепому пророчится.

Асфальт. Дорога. Потоки машин.
Я не вижу начала опасной зоны.
Никого рядом нет. Один, один...
Педаль тормоза. Крики людей. Стоны...

РАБОТА И ЗАБОТА

Ребёнок к папе подбежал с улыбкой:

«Папа, мне нужно немного заботы»

Отца огорчила эта попытка,
Ведь он так устал после работы.

Он смог тогда откупиться игрушкой,

Дитя делом занял, пускай не мешает.

Ребёнок попался в эту ловушку
И так каждый день сидит и играет.

Уже паренёк к папе подходит:

«Папа, пожалуйста, дай мне заботы».

Папа занятие снова находит,
Ведь он так устал после работы.

Сын с института домой приезжает:

«Папа, мне самую каплю заботы».

Папа его даже не обнимает,
Снова устал он после работы.

Время прошло, и отца осенило –
Ребёнок просил постоянно заботы.

Сердце родителя резко заныло,
Решил оторваться он от работы.

Сын уже взрослый, зашёл повидаться:

«Пап, не устал ты ещё от работы?»

Поздно отец начал стараться
Дать сыну хотя бы немного заботы.

ПИСЬМО ЛУЧШЕМУ ДРУГУ

«Привет, дорогой друг.

Я очень редко пишу тебе, извини. Стараюсь брать побольше работы, чтобы занять свободное время. Как ты? Был бы рад узнать что-нибудь о твоей жизни. Последний раз, когда я писал тебе, ты так и не соизволил ответить. Я тогда был очень обижен, но потом подумал, что у тебя тоже могут быть дела. Только вот это было месяц назад. Может, ты переехал и не сказал мне? Или я тебе надоело? Другого объяснения у меня нет.

А ты знаешь, здесь довольно уютно. Меня больше не тревожат соседи и коллеги. Я работаю на дому, очень удобно. Можешь заниматься своими делами и в любой момент приняться за работу. Если тебе будет интересно, я в отдельном письме расскажу об этом более подробно.

Напиши мне, пожалуйста. Не хочу никого слышать или читать, кроме тебя.

Жду ответа.

Твой друг».

Он еще раз пробежал глазами по строкам, придираясь к каждому слову. Он знает, что адресат любит грамотных людей. Убедившись, что ошибок нет, он принялся подписывать конверт. В предыдущих письмах он нарочно не правильно указывал какую-то часть адреса, и тогда письмо возвращалось. Он нервничал, отправлял заново, снова получая письмо. И тогда оно попадало в кипу таких же писем. Но не в этот раз. Все указано верно, а письмо вернулось. В чем дело? Отправляет письмо снова и снова – возвращается.

Он срывается с места, наспех собирается, покупает билет на рейс. И вот он уже в самолете. Мысли путаются, и весь полет занят размышлениями.

Аэропорт. Такси. Называет адрес. И вот он, вот он человек, который знает это место! Платит вдвое больше, ведь он так счастлив. В руке сжимается письмо, он на месте. Кажется, они наконец встретят, и адресат сможет получить предназначающееся ему письмо...

Здесь холодно. Холоднее, чем в городе, наверное, потому, что в поле нет преград ветру. Лес достаточно далеко. «Да здесь божественный вид, друг, тебе повезло!..» Он счастлив. Счастлив, что наконец доставил письмо. Сам. Это то, ради чего он приехал. Падает на колени, обнимает, прижимаясь к холодному мрамору.

Наталья МАЛЬЦЕВА

Студентка направления «Издательское дело»

ИСПОВЕДЬ ПОЭТА

Я впервые за это время
Желаю найти любовь,
На уставшие плечи бремя
Я готова взвалить вновь.

Я желаю изгнать ту пропасть,
Что во мне обитель нашла.
Моя мысль – ветхая лопасть,
Но режет более ножа.

Я впервые настолько непрочно
И боясь хоть что-то забыть
Цепляюсь за каждую строчку,
Цепляюсь за каждую нить.

Априори вернуть невозможно,
Что кляла, выдворяла прочь.
Каждый раз все болеее кожу
Обжигает без Музы ночь.

Я впервые пишу без чувства,
Не зная, как дальше жить,
Призывая к себе искусство,
Что способно меня убить.

Вдохновенье звала я тварью,
Я талант начала свой душить,
Не умела перед прощаньем
То, что было моим, ценить.

И пусть исповедь эта в рифму
Вдохновение мне вернет.
Невозможна гитара без грифа,
Невозможен без крыльев полет.

Перед вами паду на колени,
Понося себя за позор,
Лишь вернитесь,
во мне нет презренья,
И от стужи уж чист мой взор.

Навещай меня ночью, о Муза!
Изливай на меня всю боль!
Мое сердце стерпит укусы,
И порез душа стерпит любой!

Ты, Любовь, возроди то чувство,
Что поможет без крыльев парить.
Я желаю стать частью искусства!
Я желаю снова любить!

Слишком часто рождаю ошибки,
Не умея даров ценить.
Умоляю... верните улыбку...
И позвольте мне заново жить...

Отрекаться от вас я не стану,
На ошибках своих же учась,
Перестану быть верной туману,
Жить, душою в него облачась.

Вы простите калеле-поэту,
Что не смог вас в себе уберечь.
Я зову вас спустя лишь лето,
Сшив из горьких слез эту речь.

Вдохновенье! Любовь! Муза!
Мне без вас жить тяжело!
Я хочу нависать грузно
Над бумагой, сжимая перо.

И все чувства, строчка
за строчкой,
Изливать чернилами слез,
В каждой мысли акцент
ставя точно
В описание букета роз.

Вы услышите исповедь эту,
Что смогла я рифмой излить,
И прошу... молю Вас об этом...
Попытайтесь меня простить.

Мария МИНИНА

Студентка экономического факультета ТвГУ

* * *

Так глупо выворачивать для вас
Мою неладно сшитую подкладку
И, стоя под огнём жестоких глаз,
Вести с собой бессмысленную схватку.

Зал зрительный урчит, как сытый кот,
Нажравшись моих жирных комплиментов,
А я возьму ещё один аккорд
Перед ударом из аплодисментов.

Я трону ту глубокую струну,
Которая лежит повыше брюха,
И старый кот почувствует весну,
Поднимет на меня седое ухо.

Кнутом защёлкают ожившие слова,
Мыслительный тревожа муравейник,
Огромная кошачья голова
Во мне своё признает отраженье.

Меня объявят дерзким чужаком
И искренне мне пожелают смерти.
Я замолчу, зал встанет, а потом
Я, обессилен, упаду в аплодисменты.

МАТЬ

О.Н.

Она теперь часто дымила сигарой,
Как будто бы он накурил,
И вальс танцевала под шелест гитары,
Обняв опустевший солдатский мундир.

И ей всё казалось, оттуда, с портрета,
Он ей улыбнётся вот-вот.
Ресницы дрожали — не слышно ответа,
А слышен лишь сдавленный вздох.
Она не ходила к нему на могилу —
Земля не утрёт её слёз.
Она просыпалась шепча: «Милый, милый...»
Хранила клочок его детских волос.

Она подавляла с отчаяньем крики,
Чтоб он не услышал о них.
Лицо её стало похоже на лики
В мученьях умерших святых.

Она не смирилась с тем проклятым роком,
Который его так жестоко отнял,
И вальс танцевала под строки из Блока,

Как будто с ней сын танцевал.

ЖАСМИН

Я руки опущу тебе на плечи,
Смахну с лица снежинок мелких пыль.
Ты знаешь, этот белый-белый вечер
Похож на распустившийся жасмин.

А ты живёшь мечтой о нежном лете...
Поверь мне, сделай несколько шагов!
Мы босиком пойдём, как радостные дети,
По полю из опавших лепестков.

Ты тронешь локоны, покрытые цветами,
Вдохнёшь их запах, с удивлением поймёшь:
Зимой жасмин так родственен с духами
И тает на ладонях, словно дождь.

Читай губами линии запястий,
Ищи под кожей стебли тонких вен,
Стань солнцем для цветка из зимней сказки,
Согрей меня, пожалуйста, согрей...

* * *

Пришёл в знакомом запахе сигар,
И из её дрожащих рук упала чашка.
Он улыбался и осколки собирал,
Уверенно шептал: «На счастье!»

Они гуляли в скверике у цирка,
А влажный воздух пах, как сахарная вата.
Она, смеясь, вставляла в разговор
Булгаковские меткие цитаты.

Снег таял. Таяли часы,
Ржавая рыхлой и зернистой кашей.
Ржавело что-то у неё внутри,
И душу бил сухой немилосердный кашель.

Нет, не больна. Застряли где-то в горле

Слова, в которых он, она, другая.
И ей теперь так холодно на воле,
Под этой яркой старомодной шалью.

Сидела в кухне. Кофе с коньяком
И солнце из оконной голой пасти.
В висках стучало, как отбойным молотком.
Она разбита. Видимо, на счастье.

* * *

Ночная стужа. Горькая луна.
И долгий взгляд, как нож, вонзился в спину.
Моя улыбка и невинна, и грешна
В огранке меха, вечера и кашемира.

Ты возвратился, пугался в словах,
Терзал в перчатке холодеющую руку,
Ты мне напомнил раненного льва,
Тебя убила двух минутная разлука.

Я целовала твою встрёпанную гриву,
А ты до боли крепко обнимал.
И в эту долгую, непонятую зиму
Я знаю, слабость покорила льва.

* * *

Была ли весна? Или просто считали
Весной клевету, что наплёл календарь?
Ты помнишь, глаза чьи-то льдинками тальными
Со странным упорством впивались в экран.

Ты помнишь, тот шёпот слова обесцветил.
Ты помнишь впервые объятье «на ты».
Мы шли постаревшие зимние дети
И грели под курткой простые мечты.

Ты помнишь, так часто неловко молчали,
И часто болтали навязчивый вздор.
Была ли весна? Или просто считали
То время единственной верной весной?..

* * *

Ежедневно, проклиная слякоть,
Приходила, чтобы разделить с ним свет.
Поцелуй алой твёрдой сургучной печатью
Застывал на бледневшем лице.

Восемнадцать кратких жизней марта
Отгорели в честь рождения весны.
Угадали старые сугробы парка
То, что двое безотчётно влюблены.

Они вместе остро ждали лета.
Она кошкой тёрлась о плечо.
Самые прекрасные моменты
Запечатывали алым сургучом.

* * *

Хожу по комнате. Ищу твои следы,
Чеканю мысли с каждым новым шагом.
Так лисы, обезумев от жары,
По клетке носятся взъерошенным пожаром.

Дрожит мой голос. Правое крыло
Повисло рваной и негодной тряпкой.
Полёты, небо... К чёрту всё пошло!
Не бейте птиц - они не виноваты.

Свежо. И в мятном послевкусии грозы
Берёзы гладит по макушкам вечер.
И ночью мне опять приснишься ты.
А я боюсь и жажду этой встречи.

Приснишься, бережно сдержав слова:
Молчанье - отстоявшаяся правда.
Подстреленная белая сова
Теряет силы. Как же страшно падать!

* **

Он обожал её четыре долгих года

И двадцать два предчувствовал их встречу.
Она лучшей стала из породы
Возмутительно памятных женщин.

Она носила аромат Диора,
Любила жемчуг и хороший чай.
Она, как новая блестящая Пандора,
С души-шкатулки сорвала печать.

Нет, не красива, и, пожалуй, к счастью:
Она пленяла только тонкий вкус.
Он помнил белую постель, её распятую
На простынях, в плечо укус...

Ей это чувство скоро надоело.
Она ушла, не замедляя шаг.
Валялось в комнате его хмельное тело,
И тигром билась в зеркалах душа.

Он приводил к себе роскошных нежных кукол:
Живых красавиц, будто из фарфора.
И жемчугом унизывал их руки,
И приучал их к запахам Диора.

Он скупал этих маленьких леди,
Чтоб сломать их порывами гнева.
Он их всех посвятил, как трагедию,
Той, что руки его надоели.

Юрий МОИСЕЕВ

Студент специальности «Литературное творчество». Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников

* * *

Я сам, признаться, созерцать любил
Багряные закаты на полнеба,
И не жалел ни дней своих, ни сил,
В попытке побывать везде, где не был.

Тогда, казалось: стоит сделать шаг

За горизонта линию тугую,
Поддержит в путешествии бакштаг¹,
А беды и страдания минуют.

Там, в новом свете, к новым берегам
Волна любезно выстелет дорогу.
Войду, как гость, в нерукотворный храм,
Где обрету блаженство волей Бога.

Но мне открылось: чем красней закат,
Тем яростнее буря будет вскоре!
Не выдержал страховочный канат!..
В лохмотья – парус, ветер волком воет!..

Померкло солнце... Ночью – ни звезды...
Разбит компАс!.. Спасите наши души!!!
Безумство – на воде искать следы:
Они – прерогатива тел и суши.

Зигзаги молний рыскали во тьме,
И смешивались брызги со слезами!..
Искать спасенья пробовал в вине,
Хоть надо было – перед образами.

Ветра иссякли... Жизни океан
Не погубил: вернул на отчий берег.
С десятков шрамов от пустячных ран
Сегодня различимы еле-еле.

Былой азарт, увы, сведён к нулю.
Желания совсем ручными стали.
В закатный час на небо не смотрю,
А на ночь плотно закрываю ставни.

Брожу, как зверь по клетке, сам не свой,
Творится непонятное всё чаще:

¹ БАКШТАГ – попутный ветер.

Мне в шуме леса чудится прибор,
Турбины рёв над взлётной полосой,
И скорый поезд, в дивный край спешащий...

* * *

Сипит негромко на конфорке чайник.
Из ходиков кукушка предвещает,
Что не придёт никто, не стиснет руку,
Фужер заздравный не пойдёт по кругу.

Разглядываю в вазочке конфеты.
Не понимаю – для чего всё это:
Салаты разных видов, торт бисквитный,
И я – с утра наглаженный и бритый?!

Помешивая ложечкой в бокале,
Припомню, как мы славно пировали, –
Казалось бы, вчера... Прошло лет десять:
В разделе «ретро» список наших песен.

Семья в отъезде. Вечер. Воскресенье.
Очередной, обычный... день рожденья.

* * *

Ловлю себя на странном ощущении,
Что я не знаю, как писать стихи.
Совсем забыл, что значит «вдохновение».
За ночью ночь... и что же? – Ни строки!

Какие ямбы? Что там – амфибрахии?!
В эфире полный вакуум, застой!
На чистый лист смотрю в животном страхе, и
Рука дрожит, и мысли ни одной.
Я мог писать! Есть этому свидетели! –
Строчил, как «Зингер»... года три назад.
Тогда меня на конкурсе отметили...
Сегодня, что ни слово, – невпопад!

Мне б пару тем! Потом – и стиль, и качество!
Лишь зацепиться, сделать только шаг!..

Эй, музы! Прекратите издевательства!
Ну, сколько можно?.. Ну, нельзя же так!..

Алина МОЛОЖИНА

Студентка направления «Издательское дело»

ОСЕНЬ

Сезон дождей,
Пасмурных ливней,
И нет новостей
Коротких и длинных.
Сезон листьев,
Воспоминаний хруст,
Девятка трэф*,
Мыслей нет, я пуст.
Как будто нет
Ничего на земле,
Солнечный свет
Спрятался в сентябре.
Осени чад
Сильно пьянит меня,
Я буду рад
Вновь придумать тебя...
И меня нет,
Я создал тебя,

** Девятка трэф – карта сомнений, отсутствия.*

Всё – просто бред
Мозга. Пустота.
И в пустоте
Посланники осени,
Они везде
Листья с грозами.
Я заберу
Тебя от них,
И перейду
В лето для больных.
Главней всего
Безопасность твоя,
Храню её
От самого себя.
Ты будешь жить
В моём мозгу
Буду любить
Мной созданную.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вечер тихо отступает,
Хмурясь из-за туч,
Солнце перед ним уходит,
Бросив свой последний луч,
Ярко-розовым сверкает
На закате дня,
Звёзды светят так неярко,
Усыпив тебя.
Спит спокойно за горою
Солнце вдалеке,

Рядом с яркою луною
Звёзды в облаке,
Ночь укутала вальжно
Вечер в черноту,
Зябко небу голубому
Уходить во тьму.
Вся природа засыпает,
Подчиняясь им,
Ну, и нам пора спать, детки,
Почему не спим?

Виктория ПАНИНА

Член молодёжного литературного объединения «Рассветная звонница». Член Союза писателей России. Автор двух книг стихов.

СТЕКЛО

... И может быть, я обернусь,
Шестое чувство не обидев.
Настигнет вдруг такая грусть,
Когда, друзей своих увидев,
Застыну и навек пойму,
Что рядом с ними не стоять мне.
И осознаю, почему
На маме траурное платье.
Пойму, что освобождена
От суеты и круговерти,
Что всколыхнуть покой со дна
Души – по силам только Смерти...
Похоже, время истекло,
И песня навсегда допета...
Алмазно-чистое стекло
Разделит мир на тот и этот.
На нем появятся штрихи
Незримые от слез несчастья,
За ним – останутся стихи,
К которым я была причастна.

О ДЕТСТВЕ

Детство мое в золотистых веснушках...

М. Крутова

*А я бегала в серых валенках
по заснеженной полосе...*

Л. Старшинова

Детство мое не припомнить на печках, в избушках
И убегающим тонкой тропинкой к реке.
Выдумать можно деревню в глуши и опушку
В рощице светлой, но правды не будет в строке.

Может быть, я и не ведала вольного счастья
Бегать по росам, губами малину срывать...
Где-то за линией гор на неравные части
Целую жизнь навсегда разделила печать.

Там, далеко, где сливаются отзвуки домбры,
С гулом невнятных и разноязычных речей,
Бабушка с дедушкой ласковым словом и добрым
Внучку свою вспоминают до поздних ночей.

Там по щекам вместо рыжих отчетливых точек
Бронзовым блеском румяный ложится загар.
Там и остался мой маленький жизни кусочек
И не покинул со мной край арчи и чинар.

Душу отдам я России, но с самых истоков
Детство мое, не предавшее теплых ветров,
Так и останется в сердце лишь песней Востока
И ароматом янтарно-медовых плодов.

* * *

За спиною окно как прозрачная грань бытия,
А за ним осторожно лучами скребется солнце.
И дурманящего аромата сирени струя
Так отчаянно в форточку офисной комнаты рвется.

И бушует всю пятый месяц календаря,
И зовет окунуться в глубины ближайшего парка,
Где на клумбах узоры тюльпанов и маков пестрят,
И в мир таинств уводят деревья зеленые арки.

Устремится душа, бросив куба бетонного плен,
Так послушно за голосом, прочь уводящим, весенним.
Новый май, как оживший, расшитый, цветной гобелен-
От рутины рабочей единственный шанс на спасенье.

Пожалеет весна и укутает в легкий шелк
Нежных запахов цвета яблони, вишни и сливы...
В этом парке, наверное, Ленин и тот бы умолк,

Ведь рабочий класс жив лишь в обеденные перерывы!

* * *

Город ночами – несобранная картина.
Пазлы огней составлены кое-где.
Ненстоящая жизнь интернет-паутины
Держит в сетях зомбированных людей.

Там, за окном мелькают зажженные фары,
Мечутся, маются под колпаком темноты.
Словно под музыку старого Страдивари
В ночь оживают проспекты, шоссе и мосты.

Свет фонарей прогрызает ночное пространство
С ярким протестом на тьму до разорванных дыр.
Только замри, всё от прозы и до романсов
Ночью почувствовать даст переменчивый мир.

Только тогда о покое мечтать не придется,
Если в окне отразится Луна-оберег.
Счастлив до первых лучей восходящего солнца,
Незасыпающий, думающий человек.

О ВЕСНЕ

Посветлела синь над забытым, земным раем.
В свете новых событий сенсацией станет весна.
Так неистова нежность подснежников за сараем,
Так чиста и волшебна их лепестков белизна!..

Человеческих рук опасаясь, Природа затихла,
Позапрятала цвет беззащитный в своих закромах.
Лишь в глубинах лесов между веток и елочных игл
Вьются ленты мелодий и робкое пение птиц.

О рождении Солнца звенят водосточные трубы,
Небо нянчит Его в лазоревой простыне.
И приходит весна...
Значит, Бог нас еще любит.
Значит, в наших сердцах остается место весне.

* * *

Жизнь оставит меня без кола и двора,
Без гроша за душой и хлеба.
Я впервые увижу, как осень пестра
И какое бывает небо.

Позвоню, напишу всем, кого я люблю,
И найдется на встречу вечер.
И кот у ларька в первый раз покормлю.
И немного мне станет легче.

И вдали от пустой суеты в тишине
Я позволю себе оглянуться...
И успею, успею, как верится мне,
К человеческой жизни вернуться...

СПАРТАНЕЦ

Не Слово, а Любовь была вначале.
Какого ж черта, не боясь разлук,
Я, сильная, податлива печали
И мнениям удачливых подруг?
Неистово блестит кольцо на пальце
И раздражает, как клеймо на лбу.
Я предала великого спартанца
И отдаюсь случайному рабу,
Чтоб всё, как надо: муж, семья и дети,
размеренная, скучная стезя...
Но не дай бог, есть Спарта на планете
И тот, мне без которого нельзя.

* * *

Свежей раною ночи бессонные
Ноют, памятью леденя.
Строки тесными эшелонами
Имена героев хранят.
И зудит про былое страшное
На яву и во сне, день и ночь
Память – пуля в душе застрявшая,
Что хирургам изъять невмочь.
И не сможет начать всё заново,

Не дрожать от вспышек огня,
Кто бывал в эпицентре адовом
И ходил по растяжкам дня.
Кто не дал себе права расслабиться,
Пережив страх и боль потерь,
Кто не смел на войне расплакаться,
Не стесняется слез теперь.

* * *

Пытливый ум – ничемная находка
В характере моем.
Я рано понял, что такое водка,
И часто находился с ней вдвоем.
Я познавать старался грани мира:
Что можно, что нельзя.
Я видел, как спиваются кумиры,
Мои друзья.

* * *

Желание жить полноценно само по себе:
Держа на плаву человека в отдельной судьбе,
Застрававшее в гуще проблем нерешенных в трубе,
Оно остается с нами.

Желание жить это самая тонкая нить:
И душу заштопать, и нежность души сохранить.
И если еще осталось, кому позвонить,
Оно остается с нами,
Желание жить.

Марина СЕРГЕЕВА

Студентка специальности «Литературное творчество». Член студии
литературного мастерства «Вербалис». Автор книги стихов

ДОМ

Здесь всегда будет время иначе измерено
И домовой будет ждать моего возвращения.
Когда станет не жаль потерянного –
Я вернусь сюда серой тенью.

Проскользну сквозняком, стылým ветром по полу,
Распахну все двери и окна, как в страшных снах,
И запахнет могильным холодом –
Я здесь дома, а не в гостях.

Этот дом – моя боль и сокровище.
Я здесь снова хозяйка, и время течет теперь вспять.
- Я вернулась.
- Ну, здравствуй, позорище! –
Скажет мне, черный плащ сняв, мать.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ВОЛК

То ли всё уже было,
То ли вместо меня был кто-то другой,
Плакал, искал несуществующие пути домой.
Постыло.
Нигде не свой.

Мне сегодня особенно остро нужна семья.
Этот город уже не Город, и лес не Лес.
Моя шкура мокра, мой серый бок облез,
Я – не я.
Так, чего-то срез.

После меня не остается даже следов.
Сосны топят снег под собой.
Вместо меня живет кто-то другой,
И я слышу шорох его шагов.
Домой!
Я хочу домой!

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Непродлѐнный паспорт лежит на полке.
Завтра я возьму своих котиков, покажу фак начальнику
и уеду на поезде.
Этот в лапах зуд, дыбом вставшая шерсть на холке –
Не перебродившая в венах молодость.

К чёрту все стишки мои, к чёрту все фоточки,

Я назовусь новым именем – например, Варварой,
И полетят в деревянную форточку
Мной воскрешённые мои же кошмары.

Так вот, я сяду в поезд и стану смотреть в окно,
А когда надоест, пейзаж понравится или что-то ещё,
Не спрашивая названия местности, я сойду.
И пропаду.

Меня не будет больше недели. Может, вообще не будет.
Я буду делать папье-маше из себя, смеясь.
Никто не поймёт, а коты не осудят.
Я не вернусь. Вернее, вернусь не я.

ЗАПРЕДЕЛЬЕ

Я живу в Запределье, здесь сладостен звук шагов –
Неоспоримый факт того, что ты есть
Хоть в одном из этих странных миров,
Придуманных нами вместе.

Здесь Залесье – почти как наш лес,
И Заречье – как наша Волга.
Здесь в три слоя градирован цвет небес
И время течет невысказанно долго.

Не смей спать этой ночью! Ровно в двенадцать
Приключение ждёт тебя, сидя под дверью.
Меня учили, что глупо бояться.
Затверечье начнётся сразу за Тверью.

Я буду ждать тебя там и слушать твои шаги,
Изгибая древесное тело.
Приходи, проходи - вот мои сады.
Это только начало пути – дойти до Предела.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Страдай без слёз, живи без проклятья,
Спокойно несчастным будь.
Напрасны слёзы, и никакое заклятье
Твой не изменит путь.

Предайся пьяному ветру жизни,
Пусть он несёт тебя – не всё ли равно куда?
Ты был вчера на собственной тризне,
А сейчас у тебя впереди года.

Лети, как листья, как перекасти-поле,
Лети, не считая прожитых дней.
Не для земли ты, не для покоя,
Как цветок, у которого нет корней.

* * *

Молодо – зелено,
Любить повелено.
Не было – сбудется,
Было – забудется.

Небо расстелется,
Мука перемелется.
Было – и любо, и срам.
Было – и слава богам!

У-ЛЫ-БАЙ-СЯ!

А.Д-у.

Вот тебе – серый бетонный день склеивает ладони,
Засыпает гранитной крошкой виски.
Улыбайся, как будто сегодня ты помер
И тебя не успели спасти.

Улыбайся, глядя на чёрную землю,
Летающую над твоей головой,
И разговаривай с собственной тенью,
По привычке идущей вслед за тобой.

Шагай в проломы разрушенных лестниц,
Пытаясь в полёте найти покой.
Улыбайся, как будто ты завтра воскреснешь
И снова станешь самим собой.

СКАЗКА НА НОЧЬ

За семью мостами, за тремя перекрёстками
Растёт лес заповеданный:
Светлым днём на просвет видать,
Тёмным – ни дороги не сыщешь, ни выхода.

Посередине леса болотце тёмное,
Год от года растёт, углубляется.
Над болотцем сухое дерево,
А на дереве чёрный демон.

Говорит демон речи мудрёные,
И внимает лес, соглашается,
И цветёт из последних сил
Окруженный болотцем куст.

Вот тебе, моя умница, сказочка.
Конец знаешь сама – не выспрашивай.
За семью мостами, за тремя перекрёстками
Чёрный демон поёт, заливается.

Ангелина ТУФЕЛЬД

Студентка специальности «Литературное творчество»

ДИКИЙ ПЛОД

В греховной верфи, в ангельском обличи,
Таится дьявольский и алчный дикий плод.
И с торжеством, в породистом двуличии,
Окажет почести и кинет в бездну вод!
Исчадие ада в сумрачной обители,
Веками извергает болезненный поток,
Со сцены получает аплодисменты зрителя
И натолкнет безмолвно на мысли между строк!

ПРЕЛЕСТЬ АГОНИИ

Дьяволицу сожгут на костре,
Содрогнутся небесные бестии,
Прокричит она лунной сестре

О бессмертной в агонии прелести.
Смрад, бесчинство гонений времен,
Извращение силы могущества,
Ни одно среди этих «знамен»
Не заменит иного «имущества»!
Ты не ангел, но ты во плоти,
Ты осколок божественного общества! –
Веру в силу свою обрати,
Чтоб суметь пожинать плоды творчества!

СЛУЧАЙНАЯ ПРИМЕТА

Когда-нибудь, среди ночных долин,
Найду судьбы случайную примету...
Попутчиком моим стал херувим,
Его стараюсь следовать завету!
И если золотые купола
Звонят и воздух разрывают в поднебесье,
Найдутся задушевные слова,
Которые рождаются в полесье.
Путь мудрый очень сложно вымерять,
Но если с трудностями справимся мы вместе,
Нам не придется никогда друг другу лгать,
Безмолвствовать и ждать дурные вести!

* * *

Задавлены честь и гордость,
Я вновь обретаю покой,
В серебряном замке изгоем
Я буду общаться с луной.
Предвестники счастья и горя,
Ранимые слезы с ресниц,
Фантастика это, не боле,
В хрустальном сплетенье зарниц.
Прозрачен и тонок голос,
Дрожащей мелодией стих...
И вырос в саду дикий колос
От вечных желаний твоих.
Ожили душа и тело,
Коснулись их свет и огонь,
Ты ласково, трепетно, смело,

Мое вдохновение тронь!

* * *

За чертой безграничного мира
Отыщи меня и полюби!
С болью острой, как режет секира,
Нежной лаской своей погуби!
Спрячусь я за весенней завесой,
В тонких прутиках лунного дня.
Наряжусь и предстану принцессой
Только для одного лишь тебя!
В мутном омуте будем купаться
Среди пышных убранств теней,
В мягком облаке будем скрываться
В круге ада кипящих страстей.
Успокоено тело едва ли,
И истерзано сердце сполна...
Друг от друга чего-то мы ждали,
И устало зевала луна.

* * *

Помрачительный свет?! – Едва ли
Он перстами своими манил!
И убранства давно убрали
Дарования ярких светил...
Угловатость надменности нищей
Да упрямство для связки речей.
Фарс все это – духовная пища
Под ударами лезвий мечей!

КТО МНЕ СКАЖЕТ?

В скудном ропоте дня не узнала тебя,
Комом сбилась моя пелена.
И теперь все больнее болит голова,
В том заслуга твоя и вина.
Огорчения, радости, жизнь – лишь игра,
Где здесь шалости, муки тревог?
Прозябание серое – это дыра,
Глубже – тьма, а понять ты не смог!

Кто мне скажет: разлуки и встречи опять,
Что несут и хотят что отнять?
Для чего ночью – спать нам, а утром – вставать,
Для чего от труда уставать?
Для чего нам любить и любимыми быть?
Для того чтобы жизни прожить?
А обманы и ложь – и сквозь них ты идешь,
Как скупой, бросишь алчности грош.

Слезы горькие, вы-то зачем? –
Для того чтоб улыбки затмить?!
Для того чтобы помилосерднее быть,
Чтобы в горечи этой не сгнить?!
Боли адские, вы уже близитесь к нам,
Вволю дышите слабостью тел,
Все же к нашим успели прильнуть вы ногам,
Нет до вас никаких уже дел!

Ясность мысли и беглая скорость ума,
Созерцание дум или душ...
Погубите, но не убивайте меня,
Не играйте оркестрами туш!

Станислав УСИЦКОВ

Студент специальности «Литературное творчество»
Автор книг стихов

* * *

Верим страстно, непременно,
что на правильном пути.
Но иголку в стоге сена
все стараемся найти...

БАРАК

Стоишь на виду в самом сердце России
укором страны и величием ГУЛАГа —
тюремный барак, утвердивший насилие,
как зверь на цепи, карауля Шарагу.

Болишь ты и ноешь, как тело к ненастью...

Здесь нет заключенных. Разобраны нары...
Но властью советской «подарен на счастье»
для вас – ветераны. (В клетушках кошмары).

Как уши – все слышат дощатые стены...
Глазницы окошек чернеют в каморках.
И тщетно вы ждете себе перемены —
погрязла держава в измене и спорах.

Свой век доживают в гнилушках старушки,
таская ведерки с ночною парашей...
А в парке сосновом коттеджей игрушки
из пригоршни жизни пьют полную чашей.

Барак – это горе, осколок щемящий,
где билось всегда все живое в бессилье.
Он – памятник бывшим, в каморках лежащим.
Неужто он вечен, как вечна Россия?!

УЛЫБКА СЫНА

Спит сын-малыш, забот не зная,
ручонкой смяв упрямый чуб.
Улыбка детская, родная
пригрелась возле пухлых губ.
Она калачиком свернулась,
и безмятежна, и чиста.
Живи всегда, добром согрета,
для нас, ребячья простота.
Любуюсь я улыбкой сына,
вихрами сбившихся волос.
Тобой – ресниц пушистых вылет,
тобой — курносый кнопка-нос.
И я хочу, чтоб в жизни долгой
твой путь лежал, как славный стих.
И у людей чтобы улыбка
от дел рождалась бы твоих.

ПУДЕЛЬ

У ветлы промокшей
при дороге торной

грустно смотрит пудель
чей-то беспризорный.

Исхудал бедняга.
Шерсть свалялась в
комья.

Нелегка судьбина
на земле в бездомье.

Кто тебя оставил?
Или потерялся?
Ты и сам не знаешь.
Ты не разобрался...
Ясно помнишь время:
ел всегда досыта.

Был со всеми дружен,
не таил обиды...

А теперь ты брошен
в этакой глушине
той, что хлопнув дверцей,
унеслась в машине.

У ветлы промокшей
стал ты на примете...
Вот идут с грибами
по дороге дети...

РУЧЕЙ

Вновь весна. Пригорка лоб в поту...
Сбросила зима свою фату.

Горлопанит взбалмошный ручей,
скачущий со связкою ключей.

Ох, уж этот милый скоморох!
От его рассказов я оглох.

Где найдешь еще говоруна,
у тропинки возле валуна?

ПРОБА ПЕРА

Ангелина АГАПОВА

Учащаяся школы №22

РАЗБУДИ МЕНЯ

Разбуди меня ранним утром,
Когда птицы еще не поют,
Когда иней траву укутал
Пеленой, как и мутный пруд.

Разбуди, когда будет плохо,
Разбуди, когда будет война.
Ты запомни: приду на помощь,
Даже если вокруг стена!

Разбуди меня на рассвете,
Когда яркое солнце встает.
Ты увидишь, что нет на свете
Тех людей, кто восхода
не ждет.

Стану я, про себя забыв,
Сестрой, матерью, братцем,
женой.
Разбуди, и лица не укрыв,
На край света пойду за тобой!

Разбуди меня на закате,
Когда ветер уносит печаль
И в воды темно-синей глади
Отражения он раскачал.

Разбуди, когда будет трудно,
Крест судьбы когда будет
давить.
Я подставлю плечо как другу,
Только ты не забудь
разбудить...

КРЕСТ

Я смотрю на луну, я смотрю на закат.
Почему же нельзя повернуть все назад?
Почему этот мир стал так груб и жесток?
И тут каждый имеет свой собственный срок.

Где любовь и надежда, сила, вера и дружба?
Люди любят купюры, им другое не нужно.
Воздух пахнет отравой, дым пожаров душевных.
Видно, мы проиграли с сатаною сражение.
Стало просто предать, разлюбить, покалечить,
Мы глотаем пилюли, а они нас не лечат.
Лишь иллюзии счастья правят в нынешнем мире,
Люди жарятся в злобе, словно мясо на гриле.
За углом ходит смерть с химикатом в обнимку,
Кто-то молится Богу, кто-то парню с картинки,
В песнях нет больше смысла, только глупые строчки,
В церкви пляшут девицы, не прикрывшись сорочкой.
Смерть вчера забрала одну добрую душу.
Видно Господу Богу друг сильно стал нужен.
А к чему я клоню? Люди, станьте добрее!
Защитите наш мир от нашествия зверя!
Полюбите друг друга, простите врагов!
Не ломайте вы сами свой собственный кров!

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, в день, когда я стану старой,
Когда морщинки вдруг коснутся глаз,
Земля родная будет под ногами
И дорогие люди не уйдут от нас.

Быть может, жить я буду у лужайки,
Цветы с полей в корзинку собирать.
И вот однажды одинокими ночами
Внучек попросит что-то рассказать.

Я посажу его к себе чуть-чуть поближе,
Достану яркие медали золотые.
Начну я так, чтоб он меня расслышал,
А он ответит: «Мы вас не забыли!

Мы знаем, как с усилием сражались,
Мы чтим погибших за свободу всей Руси.
И умирать за жизнь других вы не боялись,
Спасибо вам, что Родину спасли!»

Смахнув слезу, я обниму мальчонку.
Но есть, увы, еще одна беда...
Я не старушка, я еще девчонка,
Ну а война... Не кончилась она...

Анастасия ДЕРЕВЦОВА

Студентка специальности «Литературное творчество»

* * *

В ее глазах молчанье, стон,
презрение, стыд и унижение.
Там нет ни капли удивления,
там лишь смешка противный звон.

Тушь по лицу ее размыта,
слеза блеснула на глазах.
Девчонка курткой не укрыта,
не так все было в ее снах.

Холодный ветер обнимает
ее намокшее лицо,
и, может быть, она не знает,
что тот поступок не его.

* * *

Коварная ночь, синее небо.
Все ли сказано было поэтом?
Мысли все сходятся, и все про него.
Мысли, пылающие красным огнем.

Зеленые дали, домик у озера.
Вряд ли видали мы это до осени.
Сколько вопросов было не спрошено?
Только мосты уже все равно заброшены.

Белые птицы, ткани из золота,
Словно мысли сотканы в полотно.
Знаю, проснусь в жарком поту,
Все потому, что мне спать одному.

* * *

Тихо шепчет мне ветер:
«Не надо. Погоди. Постой».
Ведь за того мы в ответе,
Кого пустили домой.

Непослушное сердце
Ревниво несется в бой,
И круша все на свете,
Кричит: «Я хочу быть с тобой».

Точно никто и не знает
Какая у них судьба,
Но время идет, года пролетают,
А я хочу быть с тобой навсегда.

* * *

Уж и не знаю, как сказать,
Что ноет сердце больно.
Невыносимо описать.
Лишь стук звучит невольно.

Как много в строках лишних слов,
А рифма так печальна.
Но ведь стихи-то про любовь!
Слова в слова судьба свела случайно.

Как ни пыталась я кричать,
Ты все равно меня не слышишь,
И ты не хочешь понимать,
Как сложно это, видишь?

Хочу, что б в след мои стихи
Удачи пожелали.
Ты не молчи, ты хоть скажи,
О том ли мы мечтали?

* * *

Как много сказано словечек – Неверных и насущных. Не был жалок человечек – Не было б ангелов поющих.	И каждый миг одно твержу – За зло не делай больно. Вот начат пост, И исповедь души – ты не по правилам, как ГОСТ, А изнутри скажи.
И нет порядка в человеке – Открыты эти раны. Забыты нравы в прошлом веке, И все остались правы.	Он Бог, он любит и простит, Он знает в людях толк. Кто понапрасну не кричит И знает жизни долг,
Вам ничего не говорит О той душе нечистой, А дьявол прячется, сидит За тем холстом душистым...	Того простят, целуя в лоб. О чем же говорить? Закроет крышкой этот гроб... Ты не забудь любить!
Ах, да, про жизнь я говорю. Никто не чист душою,	

Мария ЕФИМОВА
Учащаяся МОУ СОШ №14

ХОЛОДНЫЕ ОГОНЬКИ

*Багровый свет у темных век
Ты был когда-то человек
Но утолишься ты одним глотком едва ли
Безумной жаждой жаждет смерть
Ты так хотел здесь уцелеть
И уцелел, а как... так это уж детали
О. Волоцкая. Вампиры*

В тесной комнатухе могильный холод. На улице сгущаются сумерки. Сквозняк, минуя распахнутые окна, треплет пожелтевшие страницы газет и пары книг, разбросанных по резному столу из красного дерева. Вдобавок ко всему беспорядку, над макулатурой возвышается полупустая бутылка вина, этикетка на которой показывает, что сей напиток благородного происхождения и имеет сладкий вкус, два бокала и, так сказать, полупустая бутылка *из-под* вина.

В мягком, потрёпанном кресле перед этим столом застыл молодой мужчина. Застыл в прямом смысле: он почти не подавал признаков жизни. Усомниться в том, мёртв ли гражданин, заставляла только его напряжённая поза: пальцы скреплены вместе и подпирают подбородок, локти уткнулись в кипу газет, взгляд задумчиво направлен на дно прозрачного бокала, где всё ещё томился сладкий напиток, нога на ногу...

Деревянная дверь открылась с громким скрипом, выдавая свой пенсионный возраст, и в неё тут же вбежала девушка лет 25 с взъерошенными волосами и в потрёпанной одежде. Заметив на обычном месте своего знакомого, она немного успокоилась и не спеша подошла к нему.

- И давно ты так сидишь? – сказала она непривычно тихо. Пожалуй, любому бы потребовалось переспросить, но только не этому собеседнику.

- Два часа,- без тени эмоций проговорил он, всё ещё не меняя положения.

- А учуял меня когда?

На этот раз мужчина поднял взгляд на подругу, в его бордовых глазах заиграли огоньки. Едва заметно улыбнувшись, он ответил.

- За полтора часа. Сложно было бы не учуять сородича всего за пару километров.

Девушка коротко кивнула, услышав подтверждение своим мыслям. Тут же в её голову постучались другие, нехорошие. Теперь её очередь глубоко задуматься. Но голос мужчины не позволил ей заглянуть глубоко в размышления.

- Не забывай, я – зверь, я чую страх...

- Я помню, - встревоженным голосом оборвала его шатенка. - Вольт... Ты же прекрасно понимаешь, что нам угрожает опасность. Почему мы сидим на месте?!

- Нам нечего бояться.

- Нечего... Ты же видел, что делают толпы людей со своими собратьями, которые случайно оказались «не такими». Представляешь, что они сделают с нами?..

- Садись.

Ловким движением руки Вольтер придвинул к столу ещё одно довольно-таки тяжёлое кресло в синем тоне с чёрными расти-

тельными узорами. Девушка неуверенно села. Через пять секунд на столе очутился ещё один бокал, предназначавшийся ей.

- Опять кровь с вином мешаешь? Вольт...

- Мисс Делайн. - В ответ на укоризненный тон барышни, он смерил её неодобрительным взглядом, будто хотел показать этим, что отказываться от такого напитка – показатель дурных манер. Без промедлений он взболтал загустевшую алую жидкость и смешал её с вином в третьем бокале, затем переставил его поближе к девушке.

Пару секунд подумав, Эстель фон Делайн залпом опустошила ёмкость.

- Вольт, они скоро тут будут... - голос стал мягче. В нём уже не так отчётливо проскальзывали нотки волнения. Скорее, она говорила с осторожностью и предупреждением.

- Как скоро?

- Через три часа.

- Выпьём...

Примерно через час бутылки изысканной отделки совсем опустели, а разум двух вампиров достиг контрольной точки, когда он готов был ещё очень долго выдавать самые смелые философские рассуждения, но при этом не выходить за рамки морали. Мужчина с присущей ему задумчивостью замер в своей стандартной позе, девушка, видимо, заразившись от него, также задумчиво вертела в руках свой бокал. Три свечи в медном подсвечнике практически дошли до грани затухания, но всё равно продолжали гореть высоким пламенем, ибо доступ ветра уже был перекрыт. Взгляд Вольта на этот раз изучал статью в одной из множества газет. Не сказать, что она его сильно интересовала. Не сказать, что его вообще что-то интересовало в данный момент. Он ясно учуял, что на его спутницу опять начинает накатывать тревога. Значит, их разговор вновь продолжится. Эстель не заставила себя ждать.

- Почему ты ничего не боишься?

- Пфф... - мужчина сделал долгий выдох, про себя просчитывая перспективы этой беседы. Ни к чему радужному он так и не пришёл. - Ты прекрасно знаешь.

- Нет, - столь уверенным тоном отозвалась девушка, что сама готова была себе поверить.

- Какая мне разница: гнить в объятьях Люцифера или в аду на земле?..

- В отличие он настоящего ада, тут можно жить.

- Опять ты о моральных ценностях? Эстель, мы говорили об этом десяток лет назад. С чего же ты взяла, что моё отношение к этому изменилось за такой смехотворный срок?

- Я и не надеялась, что оно поменялось. Я... я хочу попробовать ещё раз тебя убедить... - девушка неуверенно глянула в сторону собеседника, но, напоровшись на налившийся кровью голодный взгляд, поспешила встать со своего места и устроиться за спиной Вольта, чтобы только не видеть этих глаз. Она положила ладони на его предплечья, локтями опираясь о спинку кресла и немного склонив голову.- Знаю, ты считаешь себя зверем, но ведь и у зверей есть привязанности... - На пару секунд она замолчала, ожидая, что к её высказыванию найдутся возражения. Ничего не услышав в ответ, она облегчённо вздохнула, продолжая надеяться, что правильно подбирает слова. – Такие, как мы, даже сочиняют музыку и пишут картины, показывая, что в них ещё осталось чисто человеческое стремление к прекрасному. Некоторым удавалось постичь и другие человеческие чувства, хотя это стоило им больших трудов. Почему ты считаешь это постыдным?

- Мёртвая душа не может жить. Это прекрасно известно тем, кто таким стал. Что же говорить о тех, кто без души родился... - он откинул голову назад и продолжил сверлить её взглядом, - типа меня.

- А я верю, что душа есть у всех. Я её чувствую.

Почувствовав, что светло-каштановые локоны Эстель щеко-чут лицо, мужчина снова отвернулся. В его силах было в любой момент сменить тему, да так, чтобы никогда больше к ней не возвращаться. Но он медлил. Он никогда не любил подбирать слова, говоря всё прямо, порой отрицая вежливость. Но обижать свою подругу, с которой он так много прожил, так много прошёл, он не хотел, поэтому предпочитал молчать, прекрасно понимая, что вежливо говорить никогда не научится. Да и не было нужды много говорить – Делайн это делала за него.

Она нежно провела по его бледной щеке тыльной стороной ладони.

- Я люблю тебя, и мне ничуть не стыдно.

Он невольно прикрыл глаза. Впервые в жизни он пожалел о своей безэмоциональности.

Дело шло к глубокой ночи. За все прошедшие часы так ничего и не изменилось в жизни Эстель и Вольта. Скоро к ним в ворота должна была «постучаться» разъярённая толпа людей, во главе с инквизиторами, которых Эстель заметила, когда те ещё обсуждали план «захвата». Вампиры не торопясь собирали вещи. Всего вещей было немного, ибо при их образе жизни путешествовать приходилось налегке: спички, дневник с заметками, два револьвера, кинжал. Денег как таковых у них не водилось.

Когда всё было готово, девушка решила всё-таки одеться в более надёжную одежду, которая обязательно выдержит испытание лесом, чего не смогла преодолеть прошлая. Вольт тем временем решил прикончить остатки своего любимого напитка, «чтоб зря не пропал», как он сам выразился. Плотно сжав горлышко бутылки, он уже намеривался выдуть всё её содержимое залпом, но вдруг остановился. Взгляд его застыл где-то за окном, бутылка случайно проскользнула меж пальцев, и тёмно-красный напиток стремительно начал поглощать блёклые цвета ковра, но мужчине было уже абсолютно всё равно, ведь ковёр больше отмывать не придётся. Сквозь густую ночь проглядывали десятки горящих факелов.

- Эс... - лишь успел прошептать он, как его дверь второй раз за эту ночь отчаянно закрипела, с отчётливым стуком ударилась о стену и взвыла, медленно пытаясь вернуться в прежнее положение. Девушка в соседней комнате испуганно вскрикнула.

Далее вместо разума мужчиной управлял инстинкт. Он схватил свой кожаный рюкзак, ловко выпрыгнул в окно и на полусогнутых, словно зверь, помчался в гущу леса. Через полчаса он остановится у какой-то мелкой речушки, поймёт, что его даже не заметили, и только тогда осознает, что потерял всё, что у него оставалось. Спустя пару дней, смертельно изголодавший, он позволит себе попасться в руки уже другой инквизиции, которая, кстати говоря, была ничем не лучше этой. Так и не дав ему познать любви, его поглотит одиночество.

Делайн широко раскрыла глаза, наполненные кровью. В них отражался огонь, исходящий то ли от факелов, то ли от толпы, жаждающей расправы, то ли её собственный, душевный. Её в два счёта выкинули на улицу. Над беспомощной, прижавшейся в земле девушкой взметнулась блестящая булава на мощном шесте. Раздался оглушающий крик, глухой удар и едва различимый треск. Она была

готова к такому исходу. С самого вечера. Все жертвы, которых она хладнокровно убивала ради пищи, наверняка в такие секунды прокручивали в голове всю свою жизнь: все успехи, все неудачи, все встречи, все взгляды и слова... А какая может быть жизнь у зверя? Эстель успела подумать лишь об одном: «Наверно, он спасётся». Пусть думает о том, что легче для неё сейчас. Всё равно верного ответа она никогда уже не получит. Да оно и к лучшему...

Елизавета ЗАЙЦЕВА

Студентка специальности «Литературное творчество»

* * *

Я дам тебе нужный совет.
Ты послушай, не уходи.
Если в жизни солнце садится,
Беги туда, где рассвет.

* * *

Не думай, что только действия
Имеют себе оправдания.
Слова намного сильнее
Откладываются в воспоминания!

* * *

Всё кажется странным: цветы и подарки.
Гремят поздравления, воздух горит!
Ведь каждый мужчина, с цветами, сквозь время,
К своей дорогой и любимой спешит!

Все дети бегут: и сквозь смех, и сквозь радость
Их мамы выслушивают слова:
«Сегодня восьмое! Сегодня мы с вами!
Любви вам по жизни и море добра!»

Любимые, милые женщины, мамы
И девушки, девочки – всех поздравляю!
Побольше терпения, счастья побольше
Я в этот весенний день вам желаю!

* * *

Я плохого тебе не желаю,
Главное – будь собой.
То, о чём мы с тобою мечтали,
Будет тайной большой.

О чём молчишь, всё сбудется – поверь,
И жизнь откроет новые границы.
Когда приду, ты не забудь про дверь –
Открой её, и всё опять случиться.

Быть может, будем мы уже не те
И время нас побьёт и покалечит,
Но в нашей с тобой сказке и судьбе
Оно не губит, просто долго лечит.

Прости меня за всё и отпусти.
Я не обижусь, я тебя пойму.
Быть может, я когда-нибудь в ночи
К тебе с цветами жёлтыми приду.

* * *

Я так боюсь терять родных людей,
Что пульс становится почти не слышен.
Без вас удары сердце всё слабей,
А в осознание мира – ночи тише.

Я так боюсь, что кто-нибудь уйдёт,
Забыв улыбки, мне которые дарили.
Оставив в мыслях глубочайший лед,
Покинув мой причал, они уплыли.

Я так боюсь одна, наедине с собой,
Шататься ночью, падая от боли,
И проиграть последний, тихий бой,
Уйдя от мира и от жалкой воли.

«Я так боюсь»... И снова свет луны
Стучится мне в окно своей красою.
«Кто лаской и теплом твоим полны,
Те не уйдут, они живут тобою.

А кто уйдёт, открой все окна им.
Пусти их, пусть идут своей дорогой.
Не доверяй общению чужим,
У них свой путь тяжёлый и убогий.

Но если кто-то в небеса взлетает,
Ушли, не попрощавшийся с тобою.
И небо громко плачет и рыдает...
Ворота в рай им тихо приоткрою...»

* * *

В дали, в пожелтевшей и бархатной пыли,
Стоял нешатавшийся клён.
А помнишь, любимая, как волки выли,
Когда в тебя был я влюблен?

Аллея пустая пылала огнями,
Когда мы были вдвоем.
Об образ колючий душой и руками
Я был тогда обожжён.

Закат уходил, все в оранжевом свете,
Аллея пуста, я один.
Быть может на новом и чистом рассвете
Я буду. Кем-то. Любим...

ЛЮБИМЫЙ МОЙ

Разбежались наши пути.
Расставаться нам тяжело.
Но приходит время уйти
И бежать туда, где светло.
Буду помнить я вас всегда,
Приходите, я всех вас жду!

Расстояние? Не беда.
Для всех тех, кого я люблю...

* * *

Прислушайся.
Яркие вспышки горят.
Сзади лишь топот ног.
Похоти ночи скулят
На развилке дорог.

То ли ты в голове,
То ли бывшие дни.
Всё забыто во сне,
Где мы были одни.

Воздух во тьме горит.
Запах знаком до слёз.
Память мою сверлит
Грохот осенних гроз.

Дождь опять моросит,
Капли стекают вниз.
Был ты мною убит
Глупости. Злой каприз...

* * *

Дорога. Рельсы под ногами.
В окно стучится солнца свет.
Трава – сплошное оригами,
Мой только начался куплет.

Трава, окно и рельсы тут же
Смешались все в одном столбце.
Ну а куда же делись лужи?
Они в душе и на лице.

Я буду долго мелочиться.
Ты всё должна перебороть.
Пора у жизни поучиться,
Как встать, когда тебе невмочь!

Покинь гнездо своих сомнений,
Вспорхни в родные облака.
Не слушай дьявола велений,
Всё это праздности река.

Иметь пора свои указы,
Любить пора свою родню,

Но только больше там не надо
стоять,
шатаясь,
на краю...

* * *

Чистое зеркало, поле небрежное.
Жизнь промелькнула, казалась мне нежною.
Молот о зеркало, стёклышки сыплются,
Жизнь только с виду хорошею видется...

* * *

Ведь так не делают, друзья!
Друзей не предают!
Ведь друг почти твоя семья,
И связи с ним не рвут.

Для вас предательство не в счёт.
Как мусор вы на дне.
Живёте тем, что к вам придёт.
Одни, наедине...

Вы не имеете ДУШИ,
Плюёте на людей.
Добро? Круши его, круши!
Во мгле его рассей!

Вам Бог сюрприз преподнесёт,
Когда не ждёте вы.
Рассудит тихо и уйдёт
Считать свои часы.

Вам много нужно понимать,
Беречь или хранить.
А вам так просто взять – предать
И тихо дальше жить.

Я верю в слово ЧЕЛОВЕК,

Я верю в ЧУДЕСА.
А вы, слияние мутных рек,
Которым нет конца.

Ульяна ЛАПИНА

Студентка Тверского технологического колледжа

ПОЭТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Я давно мечтала увидеть Италию, и родители сделали мне подарок – купили путёвки в Италию на 14 дней со 2.07.12 по 16.07.12. Для меня кроме Италии античной, христианской, Италии эпохи Возрождения, ещё существует Италия, которой посвятили свои стихи поэты Серебряного века. Привлекала возможность увидеть знаменитые места и побывать там, по-другому прочесть и понять строки стихотворений. В начале 20 столетия в Италию приезжали многие из поэтов Серебряного века, посещали отдельные города и жили в Риме. Д.С. Мережковский впервые попал в Италию в 1892 году. Страна произвела на поэта огромное впечатление. Он пишет книги «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Данте», воспринимая Леонардо да Винчи как пророка и считая гением. Стихи, написанные под влиянием Италии, восхитительны: «Парфенон», «Рим», «Пантеон», «Сорренто», «Будущий Рим». Хотелось увидеть развалины Колизея и Аппиеву дорогу, приехать в Ватикан, самое маленькое государство на планете. Конечно, побывать в самой большой церкви мира, соборе Сан-Пьетро, о котором говорит Мережковский как о «...храме великом Петра». Центральная дверь собора украшена ковкой с видами Рима, а внутри, вдоль стен, находятся десятки захоронений пап, памятники королевским католикам. Дворец перестраивался веками, собрав внутри многочисленные сокровища мира. Посмотреть на великие ценности приходит и приезжает каждый день огромное количество народа, поэтому наш экскурсовод поднимала зелёную косынку как флаг, чтобы мы не потерялись в бесконечном людском море. Даже в Сикстинской капелле, рассматривая знаменитые фрески работы Микеланджело, я постоянно ориентировалась на «зелёный путеводитель».

Очень хотелось побывать в известных римских местах, о которых знает, наверное, каждый школьник. Но ещё была мечта увидеть ту землю, которой посвящены строки многих стихотворений Брюсова, Блока, Ахматовой, Бальмонта! Понимаю, почему Николай Гумилёв писал об Италии с любовью, с восхищением: ему нравились дворцы, виллы, палаццо. Гумилёв обожал море, которое помогало ему мечтать о далёкой загадочной жизни, о морских скитаниях, случайных тавернах и опасных приключениях. Поэт был счастлив, полон сил, наслаждался жизнью, создавал всё новые и новые стихи, жаждал славы. Я люблю его стихи не только за описание итальянских красот; мне близка и понятна поэзия Серебряного века. Гумилёв хорошо изучил историю Вечного города и знал, что Рим расположен на семи холмах. Поэт осматривал холм Палатин (стихотворение «На Палатине»), посетив пещеру, где волчица вскармливала Ромула и Рема. В наше время её тоже посещает множество туристов. Находясь на Капитолийском холме, у храма Юпитера, Гумилёв бывал на развалинах древнего сената, в Капитолийском музее интересовался скульптурой «Капитолийская волчица». Под впечатлением увиденного он написал стихотворение «Основатели». Когда читаешь это стихотворение, кажется, всё понятно и без путешествия. Но при виде вечного символа Вечного города были непередаваемые ощущения! И ещё гордость за моего знаменитого земляка, который создал волшебные строки стихотворения! Они подчёркивали красоту и природы, и памятников. Наверное, было бы чудесно, если бы наш экскурсовод прочитала или хотя бы сказала о поэтах Серебряного века, тоже ходивших по этим мостовым. Сама я не решилась прочитать стихи и (к стыду своему) даже сказать о поэзии. Спешка, сухие казённые фразы и нехватка времени немного портили впечатления от увиденного. Зато я знала, что когда приеду домой и прочитаю стихи любимых поэтов, то они не только откроются мне с иной стороны, но и перенесут опять в сказочный итальянский мир!

Из Рима наша группа, как когда-то Николай Гумилёв, направлялась в Неаполь, по пути заезжая в Сиену и другие города. Неаполь – типичный южный курорт; здесь очень много иностранцев, расположен между Везувием и долиной Кальдера. Гумилёв гулял по южному городу, любовался его красотами и написал стихотворение «Неаполь». Николай Гумилёв дорог мне ещё и потому,

что он наш земляк: в селе Слепнёво Бежецкого уезда Тверской губернии у Гумилёвых находилась усадьба; отсюда поэт в августе 1914 года ушёл на фронт, а позднее семья распалась. Сейчас в селе Градницы есть «Дом поэтов» и памятник знаменитой семье.

Потом мы побывали в Венеции, городе на воде, где ты выходишь на балкон и видишь морские трамваи, гондолы и множество туристов. Для Гумилёва Венеция была таинственная, волшебная. Волошин Венецию не отделял от имени Тициана. А я не отделяла этот город от поэтов Серебряного века!

Венеция – плавающий архипелаг любви. Водные улочки Большого канала пересекают гондолы, в лучах солнца сияет золотом фасад собора Сан-Марко. Главная достопримечательность – знаменитый Дворец Дожей – одно из красивейших светских строений в мире, розовый и белый мрамор символизирует процветание. Залы дворца расписаны фресками знаменитых художников. Отсюда рукой подать до Моста вздохов, провожающего преступников в тюрьмы. Вспомнились строки стихотворения М. Волошина и А. Блока «Венеция». Даже мрачный Александр Блок писал о Венеции своей матери, что он чувствует себя как дома и излечился от похоронного настроения, но всё равно в его стихотворениях преобладают чёрные краски. Когда я прочитала его «Итальянские стихи», то сначала ничего не поняла. Ведь в поэзии акмеиста Гумилёва все чувства описаны ясно и логично, а здесь одно стихотворение говорит о не любви к Венеции, в другом Блок ею восхищается?!

Наверное, каждый человек знает про падающую башню в Пизе. Но увидеть это чудо вблизи может не каждый. Путешествуя по Италии, Гумилёв из Генуи отправляется в знаменитый город центральной Италии. О пребывании в Пизе поэт оставил одно из самых глубоких по смыслу стихотворений «Солнце жжёт высокие стены».

Наших туристов волновало, к сожалению, не это; скорее всего, они вообще не связывали фамилию Гумилёва с достопримечательностью. Всех интересовала только Пизанская башня, которая имеет пятиметровый наклон. Действительно, зрелище впечатляющее: когда смотришь, кажется, что башня вот – вот упадёт. Чтобы спасти этот шедевр, итальянцы постоянно укрепляют фундамент башни. Из Пизы Гумилёв отправляется во Флоренцию, посещая город на реке Арно и монастырь Сан Марко. Расписывал его известный итальянский художник Фра Беато Анджелико (настоящее имя

Джованни да Фьезоле), которого Н. Гумилёв ставит в один ряд с другими мастерами эпохи Возрождения. Поэт восхищался нежными, мягкими, чистыми картинами этого художника. Одна из первых крупных работ Фра Беато Анджелико – триптих Линауоли в знаменитом Флорентийском монастыре Сан Марко(1433-1435), где в центре Богоматерь с Младенцем на троне, а на боковых створках святые. До 1445 года расписывал Фра Беато Анджелико стены собора и келий этого монастыря. Наши поэты Серебряного века С. Городецкий, К. Бальмонт и Н. Гумилёв посвятили художнику Фра Беато Анджелико стихотворения, воспевая его мастерство. Современные молодые люди знают Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, но о Фра Анджелико, чьими картинами восхищаются в Европе, многие не знают вообще. Признаюсь, для меня его творчество тоже стало открытием. Так постепенно раскрывалась Италия, во многом благодаря поэтам Серебряного века!

Александр Блок и Николай Гумилёв путешествовали по Италии в разное время и видели страну по-разному, но для обоих поэтов она была сказкой. Блок посетил Италию за три года до Гумилёва, в 1909 году, и даже написал цикл стихотворений «Итальянские стихи». Но поэт был несчастлив, часто думал о смерти и видел всё в мрачных красках. Страданием, безысходностью дышат строки Блока, где он говорит, что разучился смеяться. В первом цикле стихов «Флоренция» Блок пишет: «...умри, Флоренция, Иуда...», воспринимая её как изменницу: «Гнилой морщиной гробовой / Искажены твои черты!». Эти строки мне вспоминались, когда за окном нашего автобуса мелькали флорентийские пейзажи. Я ничего не понимала и хотела всё увидеть сама. После великолепных росписей флорентийского монастыря Сан Марко кисти Фра Беато Анджелико я очень хотела посмотреть на загадочный город и знаменитый кафедральный собор Святой Марии с цветком, собор Санта Мариа-дель-Фьоре. Он даже на панорамном городском изображении выделяется необычным куполом и знаменитым Баптистерием. Наверное, если бы стихи Блока не вызвали у меня такие противоречивые чувства, я бы отнеслась к Флоренции с обычным восхищением. Эти чувства не забываются даже сейчас, а любимые поэты Серебряного века стали ещё дороже, ведь у нас оказалось так много общего!

Василий ЛЕПЕШЕНКОВ

Студент Тверского технологического колледжа

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ И КОМСОМОЛА

29 октября 2013 года исполнилось 95 лет ВЛКСМ. Судьба старшего поколения, в основном, неотделима от истории комсомола и героического прошлого страны. Конечно, о молодёжной комсомольской организации Советского Союза известно всем образованным людям, но я конкретно ничего сказать не мог. Более того, был уверен, что и родственники далеки от легендарного времени. Поделится с отцом о странном, с моей точки зрения, событии. Обычно я всегда с ним советуюсь, так как отец принимает участие в автогонках, серьёзно увлекается музыкой, в частности, роком. Мы ходим с ним на концерты рок-групп, которые приезжают в Тверь выступать «Морозов-холл», так что его мнение всегда ценю и даже не оспариваю. Но оказывается, у отца самые тёплые воспоминания именно о комсомольской юности, причём, как всегда, очень оригинальные и полезные. Он показал мне комсомольский билет и значок и спросил, что это значит. Не хотелось терять авторитет, поэтому я пообещал, что в ближайшее время смогу ответить. С помощью Интернета узнал, что комсомол был создан 29 октября 1918 года. Когда в 1922 году образовался СССР, комсомол в марте 1926-го был переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ). В таком виде он просуществовал 73 года. В 1991 году СССР распался, и только некоторые местные коммунистические организации в разных странах СНГ сохранили РКСМ от распада. Мне стало как-то немного грустно, что у нашей молодёжи нет таких достойных воспоминаний. Но успокоил себя тем, что это было когда-то давно, а сейчас другие кумиры и ценности. Отец так интересно рассказывал о событиях, происходящих в мире, о героях Латинской Америки, которые ради свободы страны не жалели жизни. Так это было в его воспоминаниях, это его юность и жизнь, даже ведь страна называлась по-другому! В общем, я решил, что ничего общего из того времени и сегодняшнего дня у нашего поколения нет.

В воскресенье мы пошли на рынок, чтобы к осеннему сезону купить что-то из одежды. Мне очень понравилась футболка, которая даже с курткой смотрелась бы стильно. Тем более что такие футболки носят многие наши студенты. Отец сразу подошёл к продавцу и купил себе и мне футболки с изображением незнакомого мужчины. Это меня удивило, потому что одежда у нас никогда не была одинаковой (в конце концов, мы же не двойняшки!). А отец сказал, что это Эрнесто Че Гевара, очень известный в мире борец за свободу. Когда в СССР юношей и девушек принимали в члены ВЛКСМ, то обязательно спрашивали о событиях в Южной Америке и отношении к ним. Нужно было уметь разбираться в происходящем и давать оценку действиям героев. Конечно, проводились обязательные еженедельные (а где-то даже ежедневные) политинформации, но всё равно нужно было владеть информацией и анализировать поступки людей. Это помогало относиться к жизни серьёзно и равняться на достойные примеры. По профессии врач, Че Гевара мог иметь дом и спокойную жизнь. Но он хотел помогать тем, кто боролся за справедливость в Южной Америке. Имя Эрнесто Че Гевара даже в 50—70-е годы наводило ужас на врагов этих стран. В 1955 году Че Гевара встретился с Фиделем Кастро и увлёкся идеей поехать на Кубу, помогая бороться и защищать революцию. Потом в 1965 году он прибыл в республику Конго, чтобы помочь повстанцам вести в джунглях партизанскую войну. Революцию по всей Латинской Америке начали с партизанской борьбы в Боливии осенью 1966 года. Вмешалось ЦРУ и решило выдвинуть специально обученные силы. Борьба не была равной, но Че Гевара оказывал помощь даже раненым, которые попадали в плен к партизанам. Когда его, безоружного и раненого, захватили в плен, он тоже оказывал медицинскую помощь раненым. Боливия сразу сообщила ЦРУ о пленнике и получила приказ об уничтожении раненого Че. После смерти его тело выставили напоказ прессе. Военный хирург ампутировал руки, затем офицеры боливийской армии вывезли тело в неизвестном направлении и отказались сообщить, где оно было захоронено.

*Он был ответственным лицом отчизны небогатой,
Министр с апостольским лицом и бородой пирата.
Ни в чём ему покоя нет, невесел этот опыт,
Он запер к чёрту кабинет и сам ушёл в окопы.*

*Спускаясь с партизанских гор, дыша полночным жаром,
В чуждой стране погиб майор Эрнесто Че Гевара. (Ярослав Смеляков)*

15 октября Фидель Кастро сообщил общественности о смерти Эрнесто Че Гевара. Для Латинской Америки и всего мира это был удар. Местные жители начали считать его святым и обращались в молитвах, прося о милостях. Только в 1997 году были найдены останки тела с ампутированными руками. После экспертизы тела Че Гевара и шестерых его товарищей, убитых во время партизанской кампании в Боливии, вывезли на Кубу. Их перезахоронили с воинскими почестями в специально построенном мавзолее в городе Санта-Клара, где Че Гевара выиграл решающую для кубинской революции битву.

А вот в Чили события были очень трагичными, потому что в этой замечательной стране в 1973 году в результате военного переворота к власти пришёл Аугусто Пиночет. Президент страны Сальвадор Альенде погиб, тысячи защитников были убиты, десятки тысяч — арестованы и отправлены в концлагеря. Если спросить сегодняшних студентов о событиях тех лет, вряд ли они ответят. Молодёжь Советского Союза хорошо знала героев, которые боролись за свободу своей страны, поэтому отец говорил мне о чилийском президенте Сальвадоре Альенде. Это был мужественный человек, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1973). Об Альенде писал знаменитый чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Пабло Неруда в книге «Признаюсь: я жил. Воспоминания». 1973 год стал последним не только для президента Чили; умер в клинике Санта Мария в Сантьяго Пабло Неруда. Это был очень известный человек не только в Южной Америке, но и в мире. С 1927 года правительство Чили назначило его консулом в Бирму, затем на Цейлон, в Сингапур. Здесь Пабло Неруда начал писать стихи, которые вошли в книгу «Местоительство – Земля». В 1932 году Неруда вернулся в Чили, стал публиковать свои произведения, работал консулом в Буэнос-Айресе, потом в Барселоне, Мадриде. Но в 1936 году началась гражданская война в Испании, и Неруда поддержал республиканцев. Он был потрясён убийством Федерико Гарсиа Лорки, которого знал лично, и написал книгу стихов «Испания в сердце». С 1939 года Пабло Неруда работал секретарём чилийского посольства в

Мексике, а в 1941- 1944 годах генеральным консулом. Он писал стихи о героизме защитников Сталинграда и доблести Красной Армии, работал над поэмой «Всеобщая песнь». Когда Пабло Неруда по пути в Чили побывал в Мексике и увидел древний город инков, он написал цикл стихотворений «Вершины Мачу-Пикчу». В 1945 году Неруда получил Национальную премию по литературе. В 1950 году Пабло Неруда получил Международную премию мира. Закончил работу над поэмой «Всеобщая песнь», в которую вошло 231 стихотворение об истории и современности Латинской Америки. В 1954, 1955, 1957 годах вышли в свет сразу три книги «Оды изначальным вещам». В 1959 году их дополнили книга «Плавания и возвращения» и «Сто сонетов о любви»; каждая из них уникальна и необычна. Когда на Кубе победила революция, Пабло Неруда в 1960 году опубликовал «Героическую песнь». В сборниках «Полномочный представитель» (1962), «Мемориал Чёрного острова» (1964) много самооценки и воспоминаний поэта. Философская лирика Неруды собрана в книгах «Руки дня» (1968), «Конец света» (1969). Даже в конце жизни литературная деятельность у него была связана с политикой: после победы Сальвадора Альенде в 1970 году Пабло Неруда был назначен послом во Франции. В 1971 году он получил Нобелевскую премию по литературе, а в 1973—1974 годах в Буэнос-Айресе вышли посмертные издания восьми поэтических книг. Эти сведения о жизни и творчестве знаменитого гражданина Чили теперь доступны, да и сборники стихов можно достать без труда. Но в годы молодости моего отца Пабло Неруда, прежде всего, был борцом за правду и свободу страны, поэтому здесь наши знания отличаются. Теперь уже я смог блеснуть эрудицией и рассказать о том, что Пабло Неруда является лауреатом Нобелевской премии по литературе. Может быть, эта информация просто прошла незамеченной для отца, а может быть, в комсомоле оценивались только политические заслуги. Этого выяснить мы не сможем, потому что воспоминания юности не всегда справедливы и объективны. А в моих будущих воспоминаниях Пабло Неруда будет и выдающимся деятелем, и знаменитым поэтом своей страны.

В нашей стране с рождения ВЛКСМ были свои герои, которые не жалели здоровья, времени, даже жизни во имя Родины. Если спросить старшее поколение, то они помнят книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», которую изучали на уроках литерату-

ры. Про комсомол складывали стихи и песни, а Сергей Есенин в стихотворении «Русь уходящая» написал:

*Мы многое ещё не сознаём,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поём,
Как нас учили бабушки и деды.*

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весёлом!
Знать, оттого так хочется и мне
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.*

Героев-комсомольцев старшее поколение помнит и по роману А. Фадеева «Молодая гвардия», и по воспитательной работе, которая проводилась постоянно. Почти все школы имели пионерские дружины и комсомольские организации, которым было присвоено имя человека, совершившего подвиг. Каждый ученик знал биографию героя и гордился, что учится в такой школе. В комсомол принимали торжественно, проводили линейки, сборы, собрания, политинформации. Конечно, это было политическое, идеологическое воспитание советских комсомольцев. А мы, современная молодёжь, посещая музей имени Лизы Чайкиной, который находится в центре Твери, не можем ответить, почему и в честь кого он так назван. Да, сейчас новая страна, новая власть, новые ценности. О комсомоле тоже думаем по-разному: кто-то одобряет, кто-то ругает, кто-то ничего не может сказать, так как ничего не знает. Я пытаюсь анализировать и не могу вспомнить имена героев нашего времени. Не потому что их нет, а потому что нет нужной пропаганды, как во времена юности отца. Даже немного завидую ему, что есть такие яркие воспоминания и осталось умение разобраться в событиях, происходящих в мире. Сейчас мы каждый день слышим о войне на Ближнем Востоке, о Сирии, но по существу вопроса сказать никто из моих сверстников ничего не может. Я думаю, это происходит потому, что роль личности, которая влияет на судьбу страны, помогает разобраться в происходящих событиях. Но на личность-то у нас обращать внимание не привыкли, как и оценивать её роль. Со-

временная молодёжь стала более самостоятельной и практичной (по сравнению с поколением отца), умеет ценить деньги и зарабатывать их. Многие мои знакомые во время летних каникул выполняли простую непрестижную неквалифицированную работу – разносили рекламную продукцию, мыли машины или посуду, подметали улицы, были подсобными рабочими на стройках, и т. д. Роль личности в таком случае мало в чём может повлиять на историю страны. Но в пределах группы или курса влияет: это ребята, например, которым родители купили или отдали свой автомобиль. Интересно наблюдать, как девчонки сразу выражают симпатии к таким ребятам, напрашиваются в поездки, а парни смотрят с завистью или злостью. Есть, конечно, целеустремлённые, образованные, увлечённые юноши и девушки, но ведь это зависит, в основном, от их семьи и окружения. У основной части молодёжи лёгкое, беззаботное отношение к жизни или пессимизм и депрессия. Нет той весёлости, о которой писал Сергей Есенин, нет интереса к происходящим в мире событиям. Зачем вникать, ведь это не решит проблемы и не поможет в дальнейшей жизни. Первостепенной уже становится не роль личности в истории страны, а озабоченность и замкнутость. Молодёжная субкультура, разнообразие стилей и красок в одежде и внешнем виде, казалось бы, должны нести позитив. Но внутренний мир парней и девушек не так богат, как был у наших родителей. Я думаю, что это происходит от недостаточной образованности, отсутствия положительных примеров, системных знаний. Вот, допустим, однокурсник слушает музыку, всё время ходит в наушниках. Спрашиваю, что любит, а в ответ слышу непонятное название. Уверяет, что любит рок, поэтому выбрал эту группу. А в глазах непонятная тоска – как будто его заставили слушать «Реквием». Помоему, сначала нужно узнать о том, как зародился рок, какие направления и классические наши и зарубежные группы стояли у истоков. Тогда не только будет интересно, но появится самоуважение и умение видеть предмет со всех сторон. Это трудно, а мы хотим всё и сразу – отсюда безумный интерес к компьютеру и любым гаджетам. Нажал кнопку – сразу яркое изображение, даже инструкция, что и как делать. Думать не надо, при общении в социальных сетях отвечать за свои слова и совершать поступки не надо. Можно, как Обломов, провести жизнь на диване, даже забывая о еде. А можно, как мой отец, участвовать в поисковых экспедициях, испы-

тывать на проходимость машины-внедорожники, ходить на рок-концерты, не стесняясь своих седин и бережно храня комсомольский билет. Зачем и почему? Он никогда не был комсомольским вожаком и послушным ребёнком, я даже подумать не мог, что воспоминания юности для него настолько дороги и важны! Нет, он не стеснялся своей комсомольской юности, просто понял, что время прошло, и не навязывал мне своих воспоминаний. Отец очень интересный, увлечённый, смелый человек, никогда не живёт обычной, спокойной, размеренной жизнью. Этим, наверное, он обязан героям стран Южной Америки, которые любили родину и ярко прожили свою жизнь. Но ведь и у меня, оказывается, есть много общего с комсомольской юностью отца; теперь я не только замечаю, но и понимаю то, мимо чего спокойно прошёл бы ещё месяц назад. В нашем колледже в мастерских механического отделения ребята обустроивали в прошлом году новое помещение. И разрисовали не только граффити, но и изобразили Эрнесто Че Гевара. Значит, идея свободы, героической личности и патриотизма близка нашей молодёжи!

Юлия ПОЛИЩУК

Учащаяся школы № 14, слушатель Школы литературного творчества, издательского дела и редактирования

ТАНЕЦ ДОЖДЯ

Улицы сквозь дождь очень красивы. Я никогда этого раньше не замечала. Многие говорят, что когда вас бросает парень, то становится очень плохо, одиноко и уныло. Но со мной все не так. Паша позвонил мне пару минут назад, как самый последний трус, и все сказал по телефону. Я просто сказала "Хорошо, спасибо за прекрасные дни", - и положила телефон на столик у кровати. Оделась и вышла на улицу. Теперь иду по одной из главных улиц, на набережную, и плевать, что до реки далеко, мне и так хватит. А дождь проливной, словно из ведра, я уже промокла насквозь. На мне темная плотная футболка, бриджи и сланцы, волосы в косу заплетены. Ничего не мешает.

- Девушка, с вами все в порядке? - странный парень подошел ко мне, зонтик даже в руках есть, хоть он и не поможет.

- Нет, спасибо, я люблю дождь. Простите, - я резко выскочила обратно под воду. Она чуть прохладна. Приятно стекает по рукам, спине, ногам и особенно по лицу. Никакого массажиста не надо, только дождь.

Набережная. Как в кино: струи влаги, пусто и одна я. Немного прошла вдоль парапета. Все-таки я оказалась не права, мне нужна река, она должна быть ближе. Надо только две остановки пройти, даже меньше, и будет спуск, в прошлом году его не было. Этот кусочек открыли первым.

Я пришла к воде, а река поднялась, высоко. Я могу даже в нее ноги опустить, если сяду и просуну их сквозь прутья перил. Так я и сделала, сняла шлепанцы и села.

- Девушка, а может с вами все-таки что-то не в порядке? - вновь тот парень, но теперь он предусмотрительнее, от капель не закрывает.

- Не знаю. Раньше со мной такого не бывало, - счастливо улыбаюсь. Мне даже не составляет это труда, я и правда счастлива.

- А что же вас к этому толкнуло? - он присел на корточки рядом.

- Что? Хм... Наверно, разрыв с парнем. Он отличник, вот и я старалась быть на уровне. Учимся в одном институте, одногруппники. Я постоянно училась, и на такие вот прогулки времени не было, - пожимаю плечами и, аккуратно достав до воды, зачерпываю ее рукой.

- Вот оно как, - думала проповедь читать будет, а он сидит рядом и молчит теперь. Знай себе иногда позу меняет, чтоб ноги не затекали.

Так мы просидели около получаса, я изредка окунала пальцы в воду, передергивалась от прохлады да мотала ногами. Постепенно дождь сошел на нет. Печально. Грустно. Обидно.

- Но не вечно же ему идти! - громко заявляю я и поднимаюсь. На ногах забавные росчерки от решетки, да и синие они. Оглядываю руки, тоже синие. - Гляди! Синие! - радостно восклицаю, но вокруг никого. Я даже и забыть успела, что мой временный собеседник ушел полчаса назад. А я даже его лица не разглядела. Дура. Вдруг бы роман закрутили... Все, прекращай мечтать, надо быть реалистом! Воот, возвращается моя расчетливая натура, надо идти домой и отогревать замерзшие конечности.

Три дня, и вновь дождь. Только теперь он меня застал после учебы.

Иду по улочке, навстречу авто, красненькое, редкость для нашего маленького городка, на границе. Отхожу в сторону, пропуская машину.

- Девушка, вас подвести? - оно останавливается и за стеклом я вижу лицо моего когда-то одноклассника.

- Нет, спасибо, Вань, я так дойду, - улыбаюсь и прохожу мимо. В глазах цвета грозового неба промелькнуло удивление и испуг. К счастью, он решил уехать, а не спрашивать откуда я его знаю. Забыл уже меня. А ведь прошло всего три года.

Капли стекают за шиворот, по лицу, глазам и губам, ощущаю чуть кислотоватый привкус воды. Меня это настраивает на умиротворение и успокаивает. Хочется танцевать, как в одном из фильмов по ТВ. Вальс бы сюда лучше всего подошел. Люблю вальс. Ни разу его толком не танцевала, но умею. Училась в доме отдыха. Ноги вновь меня привели на набережную, ближе к реке. Сумку я ставлю на скамейку и сажусь рядом. Поднимаю глаза к небу и закрываю их. В уши я вставила старенькие наушники и там играет классика, Бетховен, Моцарт и Бах, все на клавишных. Та-та-та-там... Тара-ра-там-там...

- Девушка, вы опять? - наушники старые, мне все слышно, да и за руку меня дернули.

- Что? - глаза мокрые и я их оттираю руками. Закончила, смотрю на нарушителя музыкального сопровождения. Тот парень. Снова он.

- Почему вы опять здесь, и опять без зонта? - он обеспокоенно оглядел меня, руки вновь оказались синими. В этот раз я не так удобно была одета и причесана: полупрозрачная блузка, классические брюки и туфли, в которых во всю хлюпала вода. Да и волосы были распущены. Теперь они свисают сосульками по спине и лицу.

- А давайте станцуем вальс? - этих слов я не хотела говорить, но сказала. Думаю, пошлет. Они все так делают.

- Давайте, но ведь музыки нет, - он нисколько не удивился, просто встал прямо, и огляделся.

- А, - протягиваю наушник. Без лишних слов он принимает его.

Галантно протянута рука, я встаю и вкладываю свою синеватую, чуть дрожащую, но не от холода, а от волнения, ладошку. Ее мягко сжимают. Моя вторая длань ложится на его крепкое плечо, а парень подхватывает меня за талию.

- Раз, два, три... - шепчу я. Начался перезвон, я выбрала Шопена, его фонарики. Мы закружились, мысленно считаю, что бы не сбиться, но он ведет и мне невозможно ошибиться. Дождь бьет по лицу, плечам и рукам, но мы кружимся. Я так счастлива.

- Это было восхитительно, спасибо, прекрасная леди! - его поклон после танца и легки поцелуй руки.

- Благодарю, - делаю реверанс и чуть склоняю голову.

Я поднимаю взор и вижу счастливую улыбку парня. Замечаю, что дождь кончился и вокруг стоят какие-то люди. Они хлопают. Похоже стали нечаянными зрителями. Я удивленно и с небольшой улыбкой делаю в их сторону реверанс.

На самом деле мне было плевать на зрителей, главное исполнилась моя мечта, и я очень счастлива.

Мирослава РЕПИНА

Учащаяся МОУ «Тверская гимназия №50»

* * *

Забутые всеми творенья былого..
Никто и не вспомнит, ни скажет ни слова...
Они лишь творенья былого.

* * *

Поверьте мне, мои друзья,
Эти стихи пишу не я,
А Рифма моя.

Откуда берутся стихи? Никто не знает.
Рифма нам сочинять помогает.
С губ они летят легко,
И на душе становится тепло.

ПОЭТ И РИФМА

Однажды у Рифмы спросил поэт:
- Ты долго будешь ходить со мной или нет?
- Я бы с тобой всю жизнь ходить хотела, -
Сказала вдруг Рифма смело.
- Но порой расстаемся мы с тобой.
Ну и пусть, хоть на мгновенье,
Но у нас с тобой получаются стихотворенья.
- Ну и пусть, - сказал поэт,
- Пускай, хоть на мгновенье,
А не на тысячу лет,
Но у нас с тобой, получаются
Замечательные стихотворенья.

- А куда мы с тобой дальше пойдем?
Спросил поэт,
- Туда, где нет печали и бед?
Мы пойдем туда вдвоем?
- Туда, где нет печали и бед. -
Ответила она ему,
- И я обязательно тебя с собой заберу.

Взмахнув крыльями, она улетела.
И его с собой взяла, как и хотела.

Улетели они далеко,
Где Рифма с поэтом живет легко.
Где поэма пишется со вздоха одного.
Где все также в поэзию влюблено.

Никита УСПЕНСКИЙ
Учащийся МОУ СОШ №52

О.М.

Сыро и вязко на улице той,
Где провел я всю ночь под окном.
Я вернулся опять – но тебя уже нет

За замерзшим, холодным стеклом.

Только ветер гуляет по улицам грязным –
Ворочает пыль в опустевшей душе.
И холодно, зябко в руинах надежды
Ловить угасающий день.

Мне память бросает цветные картинки
На паперть безбожного дня:
То озеро вспомню, березу седую,
Дорогу стальную, холмы и траву...

Я помню твой взгляд бесконечно глубокий,
Как он умирал, о спасенье моля.
Как солнце чернело под куполом неба –
Стеклянного неба, бутылки стекла...

И поезд уносит меня в неизвестность –
В туман, в темноту уходящего дня.
Я сорвался со скал, растворились надежды;
Я встать не смогу – хороните меня.

К ДРУГУ

Я стою на бетонной земле,
И, должно быть, смотрюсь я убого.
Только имя твоё в тишине
Я шепчу, как молитву для Бога.

Я собаку себе заведу,
Чтобы не было так одиноко.
На страницах души напишу,
Что бродягу мне жалко немного.

С горькой правдой под руку иду
По обрывкам минувших мгновений.
Тягу к жизни, увы, не верну:
Не смогу, сил не хватит на это...

День за днём к своей цели иду
Без стремлений, без мнимой надежды.
Возле дома собаку найду –
Камень на сердце станет чуть легче.

Со слезами, с улыбкой ловлю
В одиноких глазах благодарность.
Что ж, пожалуй, теперь нам вдвоём
Пополам делить горе и радость.

* * *

Красота ночного города,
Цепей-фонариков игра.
Блещающий закат угас неясно,
По небу расплескав лучи огня.

И с тихим стоном влажные кусочки
Холодный снег укутает пути
Дорог трамвайных ржавые обломки;
По городу холодные плывут огни.

И небо звёздное, и чистая луна,
Заснеженные ели, мёрзлая река
Закрыты от меня за копотью дорожной,
За тусклым светом желтых фар...

И хочется освободиться от сковавших
Цепей тяжелых молодую грудь,
И хочется морозный воздух свежий,
Сойти с путей, подняться и вдохнуть.

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

Зарисовки елового леса
На бетонной стене нарисую,
Посмотрю на холодное небо
И с улыбкою встречу разлуку.

Но красоты ночных полустанков

И пленяющий звездопад
Не согреют уставшую душу,
Потускневший не радуют взгляд.

Закричал одинокий ворон.
Тяжело взмахнув чёрным крылом,
Улетает в далёкие страны,
Обречённо зовёт за собой...

Так легко я летать не умею
И не вижу еловых лесов.
Мне бетонные стены квартиры
Многотонный построили гроб.

ВЕСНА, ЦВЕТУЩАЯ ПОРА!

Луга, зелёные луга...
Перекликаясь с солнцем ранним,
Играет сочная листва.
С обидой спящие колосья
Качают мягкой головой,
И тихо шепчутся берёзы
О чём-то с бабушкой сосной.
Ласкает запах утром ранним
Цветов, посаженных в саду;
Небрежно шлёпают лягушки
В заросшем ряскою пруду.
Играет свет в калейдоскопе,
Кричат в долине журавли,
И бьёт ключом, и льётся песня –
Весна, цветущая пора!
По небу странствуют фрегаты –
За старым садом корабли;
На них отважные пираты
Кричат о мире и любви.

ДИАЛОГ С ЛОШАДЬЮ

Когда в рутине дня
Вам станет очень скучно,
Смотрите на меня,
Внимательно смотрите:
Ловите все движения,
Их грацию ловите.
Живётся как прекрасно
На этом гордом свете!
Как бегают несмело
Задорный жеребёнок –
Весёлая кобылка
Играет вдалеке.
И нет забот у лошади,
От суеты свободной,
Ничем не обречённой,
Не знающей обид.
И если вам доверится
Весёлый и свободный,
Наивный жеребёнок,
Не знающий обид –
Вам многое откроется:
И грацию уловите,
Уловите движения
И жизненный поток.
Но вы купить доверие,
Увы, никак не сможете,
Лишь заработать можете
Открытою душой.
Принять характер лошади,
Понять причины действия,
Порой, противодействия –
Как должное принять.
Искать в бездарной лошади
Вы не изъян стремитесь –
В себе порок гордыни
Пытайтесь отыскать.
Порой для счастья лошади,

Везущей глупых всадников,
Совсем немного нужно:
Всего лишь уступить,
Ослабить тяжесть повода
И дать расслабить шею,
И красоту движения
Стремиться уловить.
Поймать пластичность лошади
Вы поводом не сможете,
И капсюлем затянутым
Свободу не сломить.
Ведь лошадь – душа вольная,
Хотя и непокорная,
Но добротой и честностью,
Умением отшагивать
В процессе обучения
Назад без сожалений –
Вам дорого окупится
В процессе становления
Хорошего товарища.
И верного учителя
Ещё не раз вы вспомните,
Друг в друге отыскав
Источник вдохновения,
Спокойствие души...
Ведь важно в обучении
Не цели достижение
И не побед влечение –
А сам процесс.
Тогда, быть может, в лошади
В здоровой и доверчивой,
Ничем не отягченной,
С открытою душой,
Увидишь жеребёнка ты:
Ещё совсем несмелого,
Так радостно и весело,
Бегущего в дали.

*НАШИ
МОЛОДЫЕ
КРИПЛИКИ*

Валерия АЛЕКСАНДРОВА

Студентка специальности «Литературное творчество»

«И СМЕХ, И СЛЁЗЫ!»

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т.И. КРЫЛОВОЙ

«СВЕТ ДОБРОТЫ СКВОЗЬ ГОРЕЧЬ ЛЕТ»

В 2004 году вышла книга Тамары Ивановны Крыловой «Свет доброты сквозь горечь лет», которая представляет собой серию забавных, а порой и не очень рассказов из истории жизни самой писательницы. Маленькие интересные отрывки, буквально каждый по одной странице, очень напоминают личный дневник, только тщательно отредактированный. Возможно, именно это и увлекает читателя, поскольку всё написано настолько простым и лёгким языком, что, кажется, поймёт даже ребёнок.

Хотя в книге и есть рассказы, напоминающие настоящие анекдоты из жизни, также присутствует и серьёзность. Почти с первых страниц мы вместе с автором застаём годы Великой Отечественной войны. Мы понимаем, как люди, а именно сам автор и его семья, его родные и друзья, жили в это время, какие ужасы они перетерпели в эти жуткие годы, находясь постоянно в страхе, боясь, что следующий день может просто не наступить для них!

По-моему мнению, эта книга рассчитана на обширный круг читателей, причём абсолютно разного возраста, ведь книга расписана буквально по годам: школа, университет, жизнь в общежитии, замужество, рождение ребёнка и т.д. Рассказы могут быть прочитаны на досуге, но в то же время прочитанное нами заставляет задуматься о жизни и начать ценить даже самые незначительные для нас моменты, ведь потом их уже не вернуть.

Иногда именно на ошибках других мы понимаем, что, возможно, в той или иной ситуации мы могли бы поступить точно так же, даже не осознавая всей сложности проблемы. Поэтому благодаря этой книге на подсознательном уровне мы будем понимать и продумывать тот или иной исход событий в нашей жизни уже на несколько шагов вперёд.

Книга проиллюстрирована автором. Чёрно-белые фотографии помогают читателю окунуться в мир того времени; смотря на обложку и заголовок книги, понимаешь, что содержание пропитано добротой и теплом.

Сам по себе сюжет не может быть банальным, так как у каждого человека в разное время жизнь разная. В главах часто присутствует неожиданный финал и оригинальность написания, поэтому развязка всегда интригующая.

Как бы это странно ни звучало, но на первых же страницах я увидела себя – наверное, именно поэтому эти рассказы сразу стали такими родными и близкими мне по духу. Особенно мне понравился рассказ «Фотография», где волей-неволей переплетались случайные встречи и в итоге только через 8 лет героиня нашла свою забывшуюся, любимую фотографию из детства. Верно говорят, что, как только перестаёшь надеяться и ожидать чего-то, это начинает происходить, хоть и много-много лет спустя. И этот рассказ тому подтверждение.

После прочтения этой книги на душе становится спокойно, хотя она и вызывает зачастую бурю эмоций и переживаний за героиню.

В завершении хочется сказать, что это очень трогательные истории о жизни, и если хочется переключиться на совершенно посторонние чувства и проблемы, что бы отвлечься хоть на минуту от своих забот, которые заполняют всю вашу жизнь, то эта книга именно для вас.

Александр ВЕРЕТЕННИКОВ

Студент специальности «Литературное творчество»

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М.ИДОВА «КОФЕМОЛКА»

(Идов М. Кофемолка: Роман. – М.: Астрель, Corpus, 2010. – 416 с.)

Русский язык богат на нюансы. Человека, который пишет, можно назвать писателем, литератором, беллетристом, можно назвать прозаиком, а можно и романистом. Журналист и в настоящее время главный редактор мужского журнала «GQ» Михаил Идов, отвечая на вопрос в одном из интервью: «В какой из категорий вы себя определяете после написания книги?», кратко заметил: «На данный момент, справедливо отметить, что я определяю себя как автор одной книги».

В 2009 году издательстве «Астрель» в серии «CORPUS» вышел дебютный роман Михаила Идова «Кофемолка». Не успела книга появиться на полках магазинов, как о ней сразу стали писать в прессе, приписывая статус лучшей книги года. Чем же эта книга может пригласиться современному и искушённому читателю?

Во-первых, книга интересна своим написанием. А именно, тем, что изначально была написана на английском языке и вышла в Америке в знаменитом нью-йоркском издательстве «Farrar, Straus & Giroux» и только затем была переведена на русский автором совместно с Лилией Идовой – женой писателя. За счёт единственного перевода Идов исключил всякую возможность иных трактовок, кроме авторской. Стоит подметить, что это второй случай в литературе после «Лолиты» Владимира Набокова, когда книга, написанная и, что главное, задуманная на английском, получила второе рождение в русском переводе от самого же автора.

Как отмечает Идов, возмись за перевод кто-либо иной, он вряд ли мог бы разобрать всю ту кучу напиханных им американских словечек, шуток и острых высказываний. При таком подходе книга могла потерять многое. Задаваясь вопросом о том, что же автор имел в виду под словом «многое», наверняка можно ответить следующее: остроту и неподражаемый юмор. Именно из-за этих качеств роману присуща особая атмосфера, где тонкость такого понятия как «менталитет» играет большую роль.

Все эти особенности Михаил Идов отметил в «Предисловии к русскому изданию», заключив одно: «Кофемолка» – роман переводной, и ничто этого не изменит. Он написан на английском языке потому, что не мог быть написан ни на каком другом».

Во-вторых, стоит подметить, что Михаил Идов в первую очередь – журналист и публицист, пишущий для авторитетных изданий Нью-Йорка и Москвы, и только потом писатель. В этом отечественная критика видит большую схожесть романа Идова с творчеством Сергея Довлатова, с которым у писателя действительно много общего, хотя бы в профессиональном определении и в авторской подаче материала как некоего репортажного сюжета.

Как подмечает автор, роман воплотил в себе многие черты личного опыта, отчего книгу можно назвать автобиографичной. Здесь можно учитывать небольшую предпринимательскую деятельность Идова, который недавно, до написания романа, открыл собственную кофейню на Манхэттене.

Весь роман «Кофемолка» можно было бы охарактеризовать одной фразой: «Я люблю тебя, Нью-Йорк!» И правда, ведь одним из героев является как раз сам город, воплощая заветную мечту каждого американца. В центре внимания книги выступает супружеская пара: Марк и Нина. Он – сын эмигрантов из Ленинграда, литературный критик, любящий муж. Она – родом из семьи малайских китайцев, юрист, заботливая жена. Их обоих объединяет маленькая мечта – открыть небольшую кофейню в центре Нью-Йорка, в одном из кварталов прославленного Нижнего Ист-Сайда. И всё бы ничего, если не одно но. Супруги никогда не имели дело с коммерцией. Ни он, ни она даже не подозревают, какие трудности ожидают их в построении своей заветной мечты.

Автор, как и его герои, существует на стыке двух полюсов мировоззрения: русского и американского. Вряд ли можно считать, что сам Идов, родившийся в Риге и живший какую-то часть своего детства в СССР, после чего вместе с семьёй переехавший в США, мог бы питать какие-либо негативные чувства к русскому языку и культуре. И все же многие критики подмечают некую расистскую наклонность автора. Слова самого Идова: «основная его (романа) коллизия совершенно чужда русскому складу ума», в принципе, можно расценивать именно так. Как бы то ни было, роман не имеет никакой идеологической подоплёки. Скорее эта книга о том, как

стать счастливым, она показывает, что не всякое начатое дело должно увенчаться успехом.

В первую очередь это роман об Америке и американцах в ней и уж только потом обо всём остальном (причём американцах – в прошлом эмигрантах). И в этом плане книга, то ли к сожалению, то ли к счастью, не имеет модного в сегодняшней литературе «хеппи энда», так часто встречаемого на полках книжных магазинов. Возможно, в этом и состоит её особенность и главная отличительная черта – показать, как сложно даются человеку все его мечты и желания. Даже несмотря на то, что он – американец.

Оценивая стиль книги, стоит сказать, что роман просто тонет в авторском обаянии. Настолько лёгок и прост язык повествования, что ничто не грозит читателю споткнуться или остановиться на месте. И потому книга читается на одном дыхании.

Тем не менее книга всё же предназначена для медленного чтения. Ведь читать её быстро просто не получается. Язык автора настолько своеобразен, что обилие разнообразных нью-йоркских словечек, неологизмов и забавное построение фраз (часто это просто калька с английского) уже не раздражают, а наоборот, приобретают новое смысловое значение. Прочитайте и убедитесь в этом сами.

Полина ГРОМОВА

Преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества. Руководитель студии литературного мастерства «Вербалис». Автор трех книг

НЕЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ. О КНИГЕ В.В. ГОДОВИЦЫНА «РАССКАЗЫ О ТВЕРСКИХ СВЯТЫХ»

(Годовицын В.В. Рассказы о тверских святых. – Тверь: Тверская обл.типография, 2005 – 256 с.)

Рассказы, представленные в наиболее полном сборнике исторической прозы В. Годовицына «О тверской истории»¹, уже знако-

¹ Годовицын В.В. Рассказы о тверских святых. – Тверь: Тверская обл.типография, 2005 – 256 с. На обложке и титульном листе название «О тверской истории».

мы читателям по изданиям прошлых лет¹. Однако, пожалуй, именно в этом издании проза писателя приобретает ту идейную и художественную цельность, которая позволяет говорить об индивидуаль-но-авторской историографической и историософской концепции, о творческом методе, реализовавшемся при создании произведений. Перед взором читателей разворачивается панорама тверской истории, органично включенной в историю России, и это не разрозненные фрагменты, а единое полотно, осененное глубоким пониманием национального наследия и глубоким уважением к нему.

Хронология исторических событий, обусловившая порядок включения рассказов в сборник, вычерчивает общие направляющие развития русской истории – становление русской государственности, обретение национальной идентичности, зарождение, расцвет и закат русской религиозности. В центре исторического повествования оказывается тверская земля. Но переход от одного сюжета к другому сопряжен с расширением художественного и исторического пространства. В первом рассказе «Истоки наши» речь идет о крошечной деревушке, где бок о бок с пришлыми славянами живут коренные (по Годовицыну) жители Верхневолжья – загадочное племя меря. Герой второго рассказа Ефрем Новоторжский проделывает немалый путь, прежде чем останавливается на земле, где ему суждено основать монастырь. Действия следующих рассказов разворачиваются и на территории Тверского княжества, и в Торжке, в Орде. Упоминаются древнейшие русские города и их правители, перед читателями предстают и Петр I, и Александр I. Таким образом, проза Годовицына, посвященная Тверскому краю, не лишена определенной масштабности. Описываемые в ней события органически вливаются в национальную историю. Однако все линии повествования неизменно приводят в Тверь – не как в политический или экономический центр, но как в оплот духовной жизни.

В основу рассказов Годовицына легли не только летописные, но и агиографические сюжеты древней тверской литературы. Обращение к ним представляется закономерным и даже необходимым: «Историзм является неотъемлемой чертой всей древнерусской цер-

¹ Годовицын В.В. Рассказы о тверской истории. – Тверь: Книжн.клуб, 1992. – 104 с.; Годовицын В.В. Рассказы о тверских святых. – Тверь: Тверское обл.книжно-журнальное издательство, 1994. – 128 с.

ковной литературы, включающей повествования о событиях и лицах, о битвах, о святых, о князьях-полководцах, о постройках церкви, о чудесах и явлениях святых икон, вообще о всем, что свершалось¹». В то же время автор стремится оживить, расцветить схематизированные сюжеты эпизодами, изображающими обычную жизнь и воссоздающими колорит эпохи. Поэтому наряду с тверскими князьями и святителями, обретшими известность далеко за пределами нашей земли, в рассказах Годовицына встречаются яркие образы кметей – княжеских дружинников, крестьян, горожан – простых людей, в чьих характерах и судьбах находит свое отражение жизнь обычного человека своего времени. Порой автора можно упрекнуть в клишированности эпизодов и повторениях: родители мальчика Вани («Дорога к Анне Кашинской»), как и до этого родители Пэйё («Истоки наши»), тонут в реке, а добродетель многих героев демонстрируется через ряд таких упрощенных и однообразных эпизодов, как спасение погибающего ребенка (или помощь обиженному, больному ребенку), помощь вдове. Вместе с тем автору удастся создать ряд колоритных образов и ярких, оригинальных картин исторической действительности – например, нелепое начало великого пожара в Твери («Хроника княжения Бориса Александровича» – пока бабка ела в погребке капусту, шаловливые внуки подпалили ее старый соломенный матрас).

В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на рассказе, где главными действующими героями не являются исторические лица. «Дорога к Анне Кашинской», пожалуй, самый сложный и неоднозначный рассказ в сборнике. В нем ставится вопрос о соотношении в жизни человека его воли и божественного провидения. Мальчика Ваню покалечил бык, у него отказали ноги. Бабка Александра настаивает на покаянии и постоянных молитвах, она верит в то, что внука сможет исцелить только Господь. Друг Вани Сенька, напротив, считает, что ему нужно самому пытаться укреплять ноги и пробовать вставать. Ваня делает и то, и другое – и в конце концов выздоравливает. Интересно отметить, что и Ефрем Новоторжский, и Арсений Тверской, и Нил Столобенский, изображенные Годовицы-

¹ Архимандрит Платон (Игумнов). Историзм русской церковной литературы // Духовный потенциал русской классической литературы. Сборник научн. трудов. – М: Русский мир, 2007. – 592 с. – С. 7.

ным, помогают людям и творят чудеса не только молитвой. Они отлично разбираются в травах и знают, какими травами и как лечить различные болезни. Может показаться, что подобные образы святителей противоречат духовным представлениям, бросают на них языческую тень, однако это не так. Прежде всего, Годовицын создает не агиографические, а художественные портреты, а в стремлении воссоздать представления людей, справедливо подмечает нерасчленимое сопряжение древнего языческого и православного начал в бытовом мышлении простых людей (рассказы «Арсений Тверской», «Нил Столобенский» и т.д.). Кроме того, упомянутые эпизоды целительства (а их довольно много) все же не связаны с колдовством и хорошо отражают стремление святых людей бескорыстно оказать нуждающимся людям любую возможную помощь.

Мальчик Ваня все-таки поднялся на ноги в храме, около гробницы Анны Кашинской, и поднялся он благодаря вере – но вере не в Бога или чудо, а вере в себя. «А ты ждешь, кто тебе на помощь придет, кто в тебя веру вложит, - рассуждает мальчик. – Веру во что? В свои силы или в того, кто поможет тебе? <...> Сила у тебя есть, веры в нее нету. И едешь ты затем, чтоб в тебя веру вложили» (с. 80). В какой-то мере образ этого мальчика олицетворяет грядущий XX век с его глубочайшим духовным кризисом.

Рассказы Годовицына охватывают историю Тверского края со времен крещения Руси до рубежа XX века. Однако последовательное соблюдение хронологического принципа имеет одно небольшое, но принципиальное нарушение. Это рассказ «Дорога к Анне Кашинской» – он помещен в первой половине сборника, между рассказами «Михаил Ярославич» и «Дмитрий Грозные очи». Однако действие рассказа происходит в 1906 или 1907 году (самое позднее историческое время в прозе Годовицына). В нем есть лишь небольшой эпизод, посвященный биографии Анне Кашинской, не дающий никаких представлений о ее личности. Сюжет же сосредоточен вокруг бабушки и ее внука. В этом нарушении есть свой смысл. Прежде всего, такое перенесение действия в далекое будущее позволяет вернуться к важной для автора мысли о народной памяти, о преемственности между поколениями (в полной мере эта мысль развита в повести «8 июля. Любовь и жизнь Петра и Февро-

нии, Муромских чудотворцев»¹). Пусть бабка Александра рассказывает внуку и его ровесникам о Михаиле Тверском и Анне Кашинской в сильно упрощенном виде, дети глубоко проникаются этой историей, размышляют над ней. Кроме этого, благодаря размещению хронологически последнего рассказа внутри сборника, крайними оказываются рассказы «Истоки наши» и «Тверские встречи Карамзина». Нетрудно угадать сложившуюся кольцевую композицию сборника: в последнем рассказе автор возвращается к идее сохранения истории с древнейших времен. В рассказе не случайно подчеркивается глубоко критическое отношение Карамзина к его современности. Умудренный опытом ознакомления со множеством исторических документов, он постиг нравственно-дидактический смысл истории и благодаря этому прозревает и будущее России: «Изучая историю, государь, наблюдаешь не только действие какого-то человека, чаще правителя, но и результат оногo. <...> В веках о человеке живет не то, что сочинили льстецы, а что сделано им для сограждан. Поэтому и может историк считать себя государственным мужем, ибо сейчас видит он грядущее» (с. 250-251).

На историческую хронологию накладывается хронология формирования русского национального религиозного сознания. В первом рассказе говорится о крещении Руси – сложном, драматическом, но неизбежном процессе. В дальнейших рассказах подчеркивается важнейшее значение христианских верований в жизни людей. Пусть и смешанные с языческими воззрениями, они все же являются нравственным законом, который необходимо соблюдать людям. Но со становлением государственности этот великий нравственный закон постепенно теряет свою власть над людьми, и вот уже он не становится препятствием для влюбленного Юрия («Иульняния из Торжка»), который становится убийцей и погибает на чужбине. Не все местные жители рады поселившемуся на острове Нилу,

¹ Годовицын В. 8 июля. Любовь и жизнь Петра и Февронии, Муромских чудотворцев». – Тверь, СФК-офис, 2008. – 28 с. Об этом см.: Громова П.С. Жили-были чудотворцы... О повести Валерия Годовицына «8 июля. Любовь и жизнь Петра и Февронии, Муромских чудотворцев» // Литосфера: Литературный альманах / С.Ю. Николаева (отв.редактор), П.С. Громова, В.А. Редькин. – Тверь: Ванчаковская линия, 2013. – 168 с. – С.129-133.

погибает в Отроч монастыре митрополит Филипп, а в рассказе «Тверские встречи Карамзина» упоминается о монахе Авеле, которого аж три поколения российских монархов держат в заключении за то, что он предсказал их смерти и войну 1812 г. Писатель изображает трагический раскол между исповедуемой религией и реальным поведением людей. Рефреном звучат слова: «о том, что крещеные, вспоминаем только в церкви». И если в рассказе «Ефрем Новоторжский» на разбойниках еще нет крестов, то рассказах, следующих после «Михаила Ярославича», зло творят уже крещеные люди.

В связи с этим в рассказах Годовицына одной из основных становится тема всеобщего человеческого братства, которое должно стать залогом благополучия каждого. « - Все люди – братья, - радостно шептал Илья. – Как здорово! Как это ладно! Душа замирает...» – восклицает новообращенный христианин (с. 49). Единство людей является ему как божественное откровение, как высший закон, по которому и надо строить свою жизнь. «Все люди – братья. Вот что он знал твердо. Все люди – братья. А коль пришел к тебе за помощью брат, как прогнать его обратно за порог...» – размышляет Ефрем Новоторжский (с. 42). Герои Годовицына, прежде всего монахи, митрополиты, обращаются ко всем не иначе, как «брат мой», «сестра моя», «сестрица моя разлюбезная» и т.д. Писатель признает, что одного вероисповедания не достаточно. «Смотрел на людей новгородских Борис Тверской, как на чужаков, словно веры другой были и языка иного. Не зародилось еще в сердцах тогдашних князей сознание единой нации, единой жизни для всех русских. Пастырь духовный – митрополит русских земель Московской, Тверской, Смоленской, Новгородской, рязанской, Владимирской и иных прочих был давно. Да не суждено было для наших предков объединиться лишь словом, одной верой. Для соединения многих людей нужна крепкая власть умного и сильного человека. Земля еще ждала его» (с. 143). Кто этот будущий правитель? Возможно, Иван III, но однозначного ответа писатель не дает. Но тверской князь Борис Александрович так размышляет о власти: «Власть, она... она, что икона... чистой должна быть... светлой. Тогда будут верить, будут служить ей по совести» (с. 138). В этих его мыслях парадоксальным образом совмещается сакральное и светское, рождая некий утопический, но оттого не менее притягательный образ правителя.

В таком свете интересным будет возвращение к самому первому рассказу. То братское единство, к которому стремятся все положительные герои Годовицына, не в будущем, а в древнейшем, фактически доисторическом прошлом. В рассказе «Истоки наши» Кирыша сообщает всему собравшемуся мерянскому селению: «придут к нам славяне рубить священный мерянский дуб, валить наших идолов. Свою веру будут ставить» (с. 4). И односельчане, как один организм, думают об одном. «Так и стояли друг против дружки с мальства знавшие один другого мужики, женки и девки с парнями, и совсем малые. Молчали. Зачем попусту язык мусолить. Жизнь у всех одинакова, потому и дела единые, и думы об одном текут без передыху, как облака на небе» (с. 5). Далее следует длинный коллективный внутренний монолог, разбитый на реплики, которые, вместе с тем, тесно связаны между собой, как будто бы меряне молча коллективно обсуждают новость. Духовное единство делает словесное общение избыточным. Жизнь мерян отнюдь не является образцовой – наоборот, идеализируются славяне. Но уровень их сплоченности остается очень высоким.

Сборник рассказов Годовицына «О тверской истории» воспринимаются как цельный текст. Этому способствует широкое использование в качестве источников цитирования исторических документов, летописных сводов, хроник и житийных текстов, а также внимательное, вдумчивое отношение к языку повествования и речи персонажей. Объединяют сюжеты и общие темы, идеи, мотивы. Однако, говоря об этой книге, следует отметить ее содержательную неоднородность. Являясь художественным целым, она тем не менее разделяется на два блока. В первый можно включить рассказы «Истоки наши», «Ефрем Новоторжский», «Михаил Ярославич» и «Дорога к Анне Кашинской», во второй – все остальные. Такое разделение может быть продиктовано различными подходами к историческому материалу. В первой части сборника мы можем видеть ультраромантический подход к истории, ее мифологизацию, идеализацию и сакрализацию. Идеальными соседями предстают для мерян пришлые славяне: всех гостей принимают, всех кормят, со всеми в мире живут, сами дружно работают и дружно веселятся. Рисуется некая лубочная картинка, ее не изменяет даже то, что славяне, приняв христианство, идут рушить исконный порядок жизни мерян. Даже в этом они оказываются правы, причем лучшие из ме-

рян, верящие в свое родство с медведем (и даже называющие его своим братом – с. 22) это осознают. Вина Ефрема Вина Ефрема Новоторжского в гибели его дружинников кажется скорее надуманной самим боярином, нежели реальной. В рассказе «Михаил Ярославич» отразилось совершенно некритическое отношение к сложной личности князя и историческим обстоятельствам, сопутствовавшим его гибели. Однако в рассказах после «Дороги к Анне Кашинской» художественные принципы писателя претерпевают значительные изменения. Продолжая отбирать знаковые эпизоды истории тверской земли, обращаясь к уникальным личностям, Годовицын старается сделать повествование более объективным, реалистичным. Уже Дмитрий Грозные Очи предстает сложной личностью, в которой сознание своей ответственности за княжество и жизни множества людей борется с жаждой мести. Его образ динамичен и приближен не к агиографическому, а к историческому портрету. То же самое можно сказать и о князе Борисе и черед других героев, предстающих перед читателем. Не утрачивая известной дидактичности, рассказы писателя становятся более реалистичными и художественно выразительными, насыщенными, а исторические личности, не переставая быть образцами для подражания, обретают не иконописные черты, а естественные характеры. Таким образом, можно говорить о трансформации художественного метода, которая прослеживается в сборнике «О тверской истории».

Своеобразным подтверждением такой двойственности историзма Годовицына стало полиграфическое исполнение его книги. На обороте титульного листа название книги «Рассказы о тверских святых», на обложке и титульном листе стоит название «О тверской истории».

В заключение хочется добавить, что историческая проза – не единственная сторона художественного творчества В. Годовицына. Широко известны его рассказы, посвященные врачебной практике. Однако хотелось бы увидеть более крупное, вдумчивое историческое сочинение, в котором могли бы развиваться все историософские идеи писателя.

Татьяна ГРОМОВА

Магистрант 2 курса, «Издательское дело»

ВЕХИ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ В.И. КРЮКОВА

Выбрав темой своего исследования литературное творчество тверского писателя Виктора Ивановича Крюкова, в данной статье я хотела бы осветить основные вопросы моей работы, а также перечислить первоначальные цели и задачи.

На мой взгляд, исследование книг этого писателя весьма актуально на данный момент. Во-первых, потому что книги В.И. Крюкова, автора признанного не только на региональном, но и на всероссийском уровне (его печатали такие советские издательства, как «Московский рабочий», «Современник» и «Советский писатель»); общий тираж – около миллиона экземпляров) являются культурным достоянием нашей области. Во-вторых, многие темы, затронутые в романах автора, актуальны по сей день и интересуют современного читателя. И это не только нравственные проблемы и формирование личности, но и темы семьи, конфликта отцов и детей, семейных драм и проблем. Что интересно, многие критики обходили эту тему в своих рецензиях, чаще говоря о формировании личности или нравственном выборе героев. Можно предположить, что в советское время, когда романы были изданы, семейная проблематика книг Крюкова зачастую отходила на второй план, уступая место производственной теме.

Виктор Иванович Крюков – советский российский писатель. Член Союза писателей (с 1962 г.). Он родился 1 июля 1926 г. в деревне Поломиницы Высоковского района Калининской области. Потом вместе с мамой и бабушкой жил в селе Стружня. Когда Виктору Крюкову исполнилось 10 лет, он вместе с семьей переехал в Тверь, где продолжил обучение в третьем классе Затверецкой средней школы №21. В 1943 г. был призван из десятого класса на службу в ряды Красной Армии, служил в зенитной артиллерии. Первое стихотворение, «Героическая Красноармейская», было опубликовано в газете Забайкальского военного округа. Как рассказывает об этом в интервью сам писатель: «Первое стихотворение опубликовано первого января 1944 года. Я служил тогда в 17 армии Забайкальского военного округа. Это - та самая армия, которой командовал Жуков при разгроме японских оккупантов близ реки Халхин-гол».

Во время войны Крюков был направлен в Иркутскую авиатехническую школу, а с момента окончания, с 1947 года, работал авиатехником в Высшем Грозненском авиационном училище. С 1947 по 1951 будущий писатель активно работал как поэт и корре-

спондент военной печати в газете военно-воздушных сил армии. Политическое управление Северокавказского округа наградило Крюкова почетной грамотой за активное участие в воспитании солдат и офицеров.

В 1951 году Виктор Иванович уволился в запас и поступил в Московский Литературный институт имени Горького. Поступить было не просто, одним из вступительных испытаний был творческий конкурс, который автор с успехом прошел, предоставив комиссии свои стихи. Обучение в Литературном институте отличалось тем, что академические занятия у студентов чередовались со студийными семинарами. В течение учебной недели студентам предоставлялся один творческий день, у пятикурсников таких дня было два. Во время учебы Крюков переходит от написания стихов к прозе. Сокурсником Виктора Ивановича был Роберт Рождественский. Курсом старше учился Евгений Евтушенко. Не менее знаменитыми оказались и преподаватели. Писатель посещал занятия у В. Лидина, Л. Кассиля, К. Паустовского, К. Федина, В. Иванова.

Общение с мастерами литературы, длительная военная служба, полная впечатлений и богатый жизненный опыт помогли становлению Крюкова как писателя.

В процессе обучения Виктор Иванович писал рассказы, которые публиковали журналы «Наш современник» и «Советский воин». В 1956 году Крюков с отличием окончил Литературный институт. Дипломную работу – повесть «Вынужденная посадка». –, Крюков выполнил с отличием. Председатель комиссии по защите дипломов, старейший писатель Всеволод Вячеславович Иванов заявил, что это не работа студента, а серьезный труд квалифицированного писателя, и рукопись можно напечатать, если автору удастся доработать один из женских образов. Как говорит в интервью Крюков: «Это был образ гулящей жены офицера. А тогда считалось, что жены офицеров всегда верны мужьям».

По окончании обучения писатель некоторое время работал корреспондентом журнала «Огонек», где публиковал очерки о предприятиях города Твери (тогда Калинина). В «Огоньке», в 1957 году, в трех номерах журнала были опубликованы очерки Крюкова.

Первую книгу Виктора Крюкова, вышедшую в Военном издательстве в 1958 году («Разные люди»), составили рассказы об авиаторах. Постепенно писатель перешел к тематике книг о рабочем

классе, об инженерах, изобретателях, о рационализаторах, одним словом - о работниках промышленности.

В 1959 году в издательстве «Советская Россия» был издан роман «Творцы и пророки». Роман создавался на основе реального конфликта, происходившего на Тверском экскаваторном заводе и описанного автором в очерке, в бытность его корреспондентом журнала «Огонек». В романе описано возмужание одаренного конструктора Алексея Вершина, его борьба с псевдоноваторами за внедрение якобы передового, но заведомо провального проекта новой машины, сложные отношения героя с семьей и окружающими. В 1963-м роман переиздали.

Как правило, романы В.И. Крюкова остроконфликтные, в них автор поднял серьезные проблемы развития отрасли и человеческих отношений. Для его книг характерно сочетание производственного конфликта с конфликтом общечеловеческим - конфликтом отцов и детей. Повесть «Гордый человек» и роман «Открытое сердце» описывают события, происходящие на Калининском вагоностроительном заводе. У всех героев книг Крюкова существуют прототипы, с которыми автор либо служил в армии, либо работал, либо общался при посещении промышленных предприятий.

В Союз писателей Крюков был принят в октябре 1962 года после выхода сборника рассказов «Разные люди» (Воениздат) и романа «Творцы и Пророки» в 1961 году. В разные годы жизни автор входил в бюро Калининской писательской организации, заведовал секцией художественной прозы. Около пяти лет работал литературным консультантом в газете «Калининская правда».

Повесть «Гордый человек» получила Диплом на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС и Союза писателей СССР на лучшее произведение о рабочем классе.

Последняя по выходу в свет книга – роман «У истоков судьбы» («Советский писатель», 1990 г., «Тверское областное книжно-журнальное издательство» 2001 г.) «населена» активными борцами против строительства Ржевского гидроузла на Волге. Это люди разных должностных уровней и возрастов. Все они убеждены, что постройка гидроузла, ныне «приостановленная», приведет к потере промышленной силы Волги в зоне Ивановского водохранилища, то есть явится экологическим ударом по здоровью шести-семи мил-

лионов жителей Москвы и Подмосковья, а прибрежные зоны верхнего участка Волги превратит в болотные хляби.

В настоящее время Виктор Иванович Крюков живет в городе Твери. В общей сложности центральными и Калининским областными издательствами было выпущено десять книг писателя общим тиражом около миллиона экземпляров.

Сергей ФЕДУЛОВ

Соискатель кафедры ФОИДиЛТ

ТВОРЧЕСТВО В.Я. ШИШКОВА

В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Людмила Ивановна Казнина писала, что В.Шишков относится к числу писателей, интерес к которым не угасает в литературоведении. Если обратиться к истории изучения творчества В.Шишкова, то можно убедиться в справедливости этих слов.

Исследование творчества писателя началось в 1920-е годы и достигло наибольшей активности в середине прошлого века, что отмечено появлением обширной критической и научной литературы. Затем интерес к В. Шишкову начал угасать вплоть до конца 20 века. 90-е годы были отмечены возрождением интереса (в настоящее время только усиливающегося) к исследованию В. Шишкова, появлению большого количества коллективных сборников, монографий, диссертаций и статей, посвященных различным аспектам творческого наследия писателя, хотя эта работа проводилась в основном тверскими, томскими и алтайскими исследователями.

Что касается оценок творчества В. Шишкова, то за почти девяностолетний период исследования они были неоднозначными, а выбор произведений для исследования довольно ограничен, да и те рассматривались в основном с идеологических позиций.

Основоположником изучения творчества В. Шишкова принято считать П. Медведева, написавшего вступительную статью к 12-томному полному собранию сочинений писателя, вышедшему в 1926-1929 годах, который отмечал, что центральной темой творчества писателя является внутренняя жизнь человека, его психология, мотивы его действий¹. Следующим крупным исследованием был

¹ Медведев П. Творчество Вяч. Шишкова // Шишков В.Я. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.-Л.: ЗиФ, 1926–1929. Т.1. С. 9-42.

вышедший в 1935 году критический очерк М.Майзеля, который указывал на ошибки В. Шишкова, его увлеченностью «самой примитивной, убогой и наивной» символикой¹.

Изменение отношения к творчеству В. Шишкова началось уже после смерти писателя в 1945 году. В 1947 году появилась монография прозаика В. Бахметьева, являвшегося редактором выходившего в те годы шеститомного собрания избранных сочинений В. Шишкова. В ней автор отмечал тяготение В. Шишкова к реализму в изображении действительности².

В 50-е годы начинается настоящий бум в изучении В. Шишкова. В 1953 году выходит литературно-критический очерк А. Богдановой, занимавшейся в то время исследованием ранних рассказов В. Шишкова. Она, вслед за В. Бахметьевым, отмечала народность творчества писателя, который «вырос вместе со своим народом», именно от него писатель «взял все лучшее»³. В 1956 году был издан критико-биографический очерк И. Изотова, в котором, как и в упомянутой выше монографии М.Майзеля, В. Шишков подвергся критике за тяготение к таинственности, мистике, символике, внешним эффектам и т.п.⁴ В 1956 году вышло собрание избранных сочинений писателя в четырех томах. В те же годы появляется большое количество диссертаций и научных статей о творчестве В. Шишкова, в первую очередь о романе «Емельян Пугачев», гораздо меньше о романе «Угрюм-река» и рассказах писателя, а также о связях с устным народным творчеством и языке произведений.

В 60-е годы активное изучение творчества В. Шишкова было продолжено, хотя круг исследуемых произведений и тем не изменяется. В период с 1960 по 1962 вышло восьмитомное собрание сочинений В.Я. Шишкова. Это десятилетие завершилось выходом критико-биографического очерка В. Чалмаева, который охарактеризо-

¹ Майзель М. Вячеслав Шишков. Критический очерк. Л.: Гослитиздат, 1935. С. 134.

² Бахметьев В. Вячеслав Шишков. Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1947. 198 с.

³ Богданова А.А. Вячеслав Шишков. Литературно-критический очерк. Новосибирское книжное издательство, 1953. С. 253.

⁴ Изотов И. Вячеслав Шишков. Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1956. С. 97.

вал творчество писателя как «единство правды исторической и правды поэтической, синтез документальной достоверности и живой многоплановой (философской, о лирической, юмористической) игры воображения»¹.

В 70-е годы наблюдается спад интереса к изучению В. Шишкова. Лишь в 1973 году, в год столетия со дня рождения писателя, появилась вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» монография Н. Еселева, который, также как и А. Богданова, отмечает эволюцию и неуклонный рост мастерства писателя от ранних рассказов до романа «Емельян Пугачев»², а также большое количество статей в периодических изданиях, посвященных в основном фактам его биографии. Годом позже было издано десяти томное собрание сочинений В. Шишкова под редакцией того же Н. Еселева. А в 1976 году вышло второе издание вышеупомянутой книги Н. Еселева о жизни и творчестве В. Шишкова. В 1979 году вышел сборник «Воспоминания о В.Я. Шишкове».

То же самое можно сказать и о 80-х годах, когда вышло очередное собрание сочинений писателя, а также книга Н. Яновского о жизни и творчестве В. Шишкова, сборник «Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников» и диссертация Л. Казниной «Романтические тенденции в творчестве В. Шишкова», в которой была «сделана попытка, исследуя наиболее заметные рассказы, повести, романы В. Шишкова 1908-1945 гг., проследить, как формировался Шишков-художник, какое место в его творчестве занимали романтические тенденции»³.

Начало современного этапа изучения творчества В. Шишкова можно отнести к девяностым годам прошлого века, когда исследователи получили возможность при изучении произведений литературы отвлечься от идеологических и общественно-политических вопросов, перестать оценивать писателей, прежде всего советской эпохи, с точки зрения их отношения к революции и борьбе классов.

¹ Чалмаев В. Вячеслав Шишков: (критико-биографический очерк). М.: Советская Россия, 1969. С.44.

² Еселев Н. Шишков. М.: Современник, 1976. С. 237

³ Казнина Л. Романтические тенденции в творчестве В. Шишкова: дисс. ... канд. филол. наук. Московский гос. пед. ин-т. М.: Б.и., 1984. С. 173.

Это позволило, с одной стороны, ввести в круг научных исследований писателей, до той поры не изучавшихся, а с другой, по-новому взглянуть на творчество авторов, которые считались давно и достаточно глубоко изученными. Именно возможность сказать что-то действительно новое в науке послужила стимулом возрождения интереса к изучению тем, давно и прочно закрепившихся в литературоведении. Нынешняя ситуация позволяет литературоведам быть максимально объективными, не загнанными в прокрустово ложе определенной идеологии.

Что касается изучения творчества В. Шишкова, то и здесь намечились тенденции как к обновлению перечня изучаемых произведений, так и к методам их изучения. Если раньше основными объектами изучения были романы «Емельян Пугачев» и «Угрюм-река», то теперь в поле зрения литературоведов оказались роман «Ватага», повесть «Тайга», «Пейпус-озеро», «Чуйские были», «Сибирский сказ», «Шутейные рассказы», путевые очерки «По Чуйскому тракту» и другие произведения, о которых писали и раньше, но мало, исследовали не глубоко и не всесторонне.

В 90-е годы начинает появляться большое количество коллективных сборников, посвященных творчеству Шишкова, регулярно проводятся Шишковские чтения, где, в частности, рассматриваются такие ранее не поднимавшиеся ранее вопросы, как место В. Шишкова в контексте русской литературы, а также религиозно-нравственный аспект его творчества. Хотя, нельзя не отметить, что основными очагами исследования творчества писателя являются Тверь, Барнаул, Бийск, Томск – места связанные с жизнью писателя.

Важным этапом в изучении творчества В. Шишкова был выход в 1999 году монографии В. Редькина «Вячеслав Шишков: новый взгляд», в котором рассматривается творчество писателя с учетом его религиозно-философского мировоззрения. Ученый охарактеризовал творческий метод писателя как духовный реализм – «особый реализм с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия и патриотической направленностью»¹.

¹ Редькин В.А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В.Я. Шишкова. Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1999. С. 10.

В 21 веке изучение В. Шишкова было продолжено. Были защищены диссертации Т. Закаблуквой «Сюжетная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова» (2008), а далее – диссертация Г. Бунеева «Ономастическое пространство романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга» (2011), Е. Громовой «Шутейные» рассказы В.Я. Шишкова 1920-х годов» (жанровый аспект). В Твери продолжается регулярный выпуск сборников и проведение «Шишковских чтений», посвященных актуальным вопросам жизни и творчества В. Шишкова. Центрами шишковедения остаются и крупные города Сибири.

Теперь хотелось бы поподробнее остановиться на истории изучения романа «Угрюм-река».

Несмотря на то, что этот роман является одним из главных произведений Шишкова, количество посвященных ему исследований не так велико, в отличие, например, от другого крупного романа писателя – «Емельян Пугачев». К тому же следует отметить, что крупных научных работ, которые охватили бы основные аспекты романа, явно недостаточно, а многие из тех, что есть, уже устарели, и выводы, к которым приходят их авторы, нуждаются в пересмотре.

Первые серьезные опыты изучения романа В. Шишкова приходятся на 50-60 годы двадцатого столетия. Диссертации и статьи этого периода были в основном посвящены общественно-политическому аспекту романа или особенностям его языка. В 1955 году была защищена диссертация М. Сидоренко «Лексика романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река», в 1956 – А. Дудоровой «Разоблачение капитализма в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река». Также в 50-е годы появился ряд статей, посвященных роману Шишкова, – «Общественно-политическая лексика романа Шишкова «Угрюм-река» М. Сидоренко (1957), «Заметки о языковых средствах создания образа Прохора Громова в романе «Угрюм-река» (1959), «Метафоризация общеупотребительных слов и из экспрессивно-стилистическая роль в романе «Угрюм-река» (1962) Н. Зелинской и др. В эти же годы выходит ряд работ о связях произведений Шишкова с устным народным творчеством.

Важным этапом в изучении романа «Угрюм-река» была появившаяся в 1966 диссертация Л. Анцыферовой «Роман "Угрюм-река" и развитие творчества В.Я.Шишкова в 20-е годы (к вопросу

жанра и мастерства). В ней была предпринята первая попытка исследовать жанр произведения В.Я. Шишкова. Сам писатель в ходе работы над романом обозначал его жанр как «повесть», затем как «романище». Л. Анцыферова пишет: «В терминологической оглазовке «романище» Шишковым подчеркнута, надо полагать, не столько объемность и обширность материала, сколько значительность, впечатляемость и содержательность жанровой формы, к которой тяготеет в эти годы своим творчеством писатель»¹. Сам автор диссертации характеризует жанр романа как «социально-историческую эпопею», «роман, обращенный к эпопее», «роман, написанный с известным уклоном в историю, в историко-эпическое повествование».

Если говорить об изучении романа «Угрюм-река», то после диссертации Л. Анцыферовой следующими крупными исследованиями стали упомянутая выше диссертация Т. Закаблукковой «Сюжетная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова» (2008) и диссертация Г. Бунеева «Ономастическое пространство романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга» (2011).

В работе Т. Закаблукковой сделана попытка ввести в терминологический обиход термин «сибирская семейная хроника», выявить ее особенности и отличия от традиционной семейной хроники и назвать ее сюжетной типологической основой социально-психологического романа «Угрюм-река»².

Диссертация Г. Бунеева, по словам автора, посвящена изучению специфики употребления собственных имен в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга». Исследователь приходит к выводу, что ассоциативная нагруженность имен персонажей является характерным признаком произведений В.Я. Шишкова, многие персонажи имели своих прототипов в реальной жизни, а их

¹ Анцыферова Л. Роман «Угрюм-река» и развитие творчества В.Я. Шишкова в 20-е годы: (к вопросу жанра и мастерства): дисс. ... канд. филол. наук. Московский гос. пед. ин-т. М.: Б.и., 1966. с. 139.

² Закаблуккова Т. Сюжетная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск: Б.и., 2008. С. 22.

имена были либо перенесены на страницы произведений без изменений, либо взяты за основу литературного антропонима¹. Также была изучена роль топонимов в произведениях Шишкова. Все это, по мнению автора, может быть полезно для составления словаря языка В. Шишкова, а также ономастического словаря писателя².

Также вышло несколько статей в сборниках Тверского государственного университета «Проблематика и поэтика творчества В.Я. Шишкова», «Творчество В.Я. Шишкова в контексте русской литературы XX века» и др., посвященных отдельным вопросам изучения романа «Угрюм-река».

Однако основным недостатком работ, посвященных роману «Угрюм-река», является их фрагментарность и отрывочность. Для рассмотрения берутся довольно узкие аспекты романа, изучение, которых, несомненно, нужно и важно, и растущее количество таких исследований можно только приветствовать, но они не дают возможности говорить о романе В. Шишкова «Угрюм-река» как о хорошо изученном. То же, думается, можно сказать и о многих других произведениях В. Шишкова. Поэтому хотелось бы, чтобы, наряду со статьями, посвященным частным вопросам и проблемам изучения его творчества, появлялось больше крупных работ, которые рассматривали бы произведения писателя глубоко и всесторонне, что позволило бы по достоинству оценить значение В. Шишкова в русской литературе вообще и 20 века в частности.

¹ Бунеев Г. Ономастическое пространство романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронежский гос. ун-т, Воронеж. Б.и., 2011. С. 18.

² Там же. С. 4.

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

приглашает учиться по новой специальности
071101 «ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО»

с присвоением квалификации «ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАБОТНИК»

Вступительные испытания: литература (ЕГЭ), русский язык (ЕГЭ), творческий конкурс (эссе или сочинение). Выпускники, получившие образование по данному направлению, смогут применить свои знания, навыки и компетенции, работая в творческих организациях, административных органах, сфере культуры, в СМИ и многочисленных издательствах. Обучение дневное (5 лет) и заочное (6 лет). Тематика сочинений и эссе для творческого конкурса опубликованы на сайте кафедры: <http://foidid.tversu.ru/>

Квалификационная характеристика выпускника

Деятельность литературного работника направлена на создание литературных произведений, на проведение литературно-критических, теоретико-литературных и историко-литературных исследований, на работу в области художественного перевода, познания феномена литературы и литературного процесса, особенностей и функционирования литературы в современном обществе. Литературный работник подготовлен к творческой и исследовательской деятельности в области литературы в соответствии с фундаментальной и специальной подготовкой. Он может продолжить образование в аспирантуре.

Возможности трудоустройства выпускника

Газетно-журнальная деятельность (корреспондент, журналист, рецензент, литературный критик, литературный редактор, редактор сайта, помощник редактора, выпускающий редактор, главный редактор). Дополнительно: верстальщик, корректор).

Телевизионная и кинематографическая деятельность (сценарист телепрограмм, сценарист телесериалов, киносценарист, кинокритик, редактор, шеф-редактор, выпускающий редактор, корреспондент, редактор сайта, помощник режиссера, автор телепроекта).

Театральная деятельность (театральный критик, драматург, заведующий литературной частью).

Книжно-издательская деятельность (автор, рецензент, переводчик художественной литературы, литературный редактор, выпускающий редактор, помощник редактора, главный редактор, автор-составитель, редактор сайта, копирайтер. Дополнительно: корректор, редактор-корректор).

Педагогическо-преподавательская деятельность (методист, старший преподаватель, преподаватель, ассистент преподавателя, руководи-

дитель литературной студии, помощник руководителя литературного объединения, руководитель литературного объединения).

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
предлагает получить высшее образование по направлению 035000
«ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО» (очно и заочно)

Выпускник получает квалификацию **«БАКАЛАВР ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА»** и может работать: **руководителем издательства, литературным редактором, ответственным редактором, редактором художественной, детской, научной, деловой литературы, редактором СМИ, корректором, дизайнером книги, компьютерным верстальщиком, менеджером в издательстве, документ-центре или в редакционно-издательских отделах банков, полиграфических комбинатов, предприятий и организаций, органов государственного и муниципального управления; он может заниматься рекламой книги и книжным маркетингом. Специалист книжного дела обладает необходимыми навыками и знаниями для того, чтобы организовать собственный книжный бизнес и вести успешную коммерческую деятельность.**

Специалисты такого профиля широко востребованы на рынке труда в Твери, Москве и других регионах России. Обучение проводится на бюджетной и платной основе по очной и заочной формам. **Вступительные экзамены: русский язык (ЕГЭ), обществоведение (ЕГЭ), история (ЕГЭ).**

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
приглашает в магистратуру по направлению
035000 «ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО»

ПРОФИЛЬ «РЕДАКЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЙ»

Вы получите второе высшее образование по перспективной и престижной специальности за 2 года (на бюджетной и платной основе; при обучении на бюджетной основе выплачивается стипендия)!

Обязательно наличие диплома (с вкладышем) о высшем образовании – бакалавра или специалиста

Возможности трудоустройства выпускника:

Книжно-издательская деятельность (руководитель издательства или его подразделения, менеджер по работе с кадрами, менеджер по работе с заказчиками, ответственный редактор, литературный редактор, редактор художественной, детской, научной, деловой литературы, вы-

пускающий редактор, помощник редактора, главный редактор, автор-составитель, редактор сайта, копирайтер).

Газетно-журнальная деятельность (редактор газеты и журнала, литературный редактор, редактор сайта газеты и журнала, помощник редактора, выпускающий редактор, главный редактор).

Деятельность в области электронных СМИ (редактор теле- и радиопрограмм, шеф-редактор, выпускающий редактор, редактор сайта, редактор онлайн-новых СМИ).

Педагогическо-преподавательская деятельность (преподаватель высшего и среднего профессионального учебного заведения. Магистр издательского дела подготовлен для продолжения образования в аспирантуре с целью защиты кандидатской диссертации).

Характеристика профессиональной деятельности магистров издательского дела

Область профессиональной деятельности магистров включает подготовку, выпуск и распространение издательской продукции в печатной и цифровой форме и предполагает практическую, научную и педагогическую деятельность: **в сфере практической деятельности** область охватывает технологию, технические и программные средства, управление, экономику и маркетинг в области издательского дела, редакционную подготовку и распространение издательской продукции; в сфере научной и педагогической деятельности – разработку и внедрение инновационных технологий подготовки, выпуска и распространения печатных и электронных средств информации, научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу. **Объектами профессиональной деятельности** магистров являются: книга, журнал, газета; печатное издание, электронное издание; текст, нетекстовые элементы; произведение литературы; вербальная и визуальная информация; авторский оригинал, издательский оригинал; цифровой документ; средства и технологии обработки, хранения, передачи, вывода и распространения информации; технологии редакционно-издательской деятельности, распространения издательской продукции, информационное и организационно-управленческое обеспечение издательского дела; научное знание в области издательского дела.

Справки: (4822) 58 06 77 (кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества); 8 (910) 534 66 37 (руководитель магистерской программы); 8 (980) 630 40 11 (руководитель кафедры). Подробную информацию смотрите на сайте кафедры: <http://foidid.iversu.ru/>.

